

КРОКОДИ

№24

1980

ISSN 0130-2671

«Построив жилой дом в нашем городе, строители ушли на новое место, забыв комфортабельный вагончик для рабочих. Несмотря на двухлетнюю беспризорность вагончика, на нем можно прочитать: «СУ-105 МФС-6».

Я. Яковлев, г. Дедовск Московской области.

На долгую память!

Вот несешься себе вскачь по жизни, а потом вдруг изредка притормозишь и задумаешься невзначай. И ужасно огорчительно сознавать, что никто тебя не изваяет и не высечет. Во всяком случае, при жизни.

Где тот Клодт, что отлил бы из бронзы твой неповторимый профиль? Где тот, с позволения сказать, Роден, который отсечет от мраморной глыбы все лишнее, чтобы запечатлеть на века твой пусть не очень классический, но такой дорогой торс?

А как хочется оставить свой облик на долгую память грядущим поколениям! Можно, разумеется, крупно вырезать свое имя — Митя или Вова — на каком-нибудь уникальном неохватном дубу в заповеднике. Или выжечь свою фамилию автогеном на

стене трапезной в Андрониковом монастыре. Но боюсь. Вон как нынче входят в силу всевозможные друзья природы и ревнители старины!

И все ж таки положение не безнадежно.

С понятной завистью вертим мы в руках занятное фото, присланное из города Кола Мурманской области товарищем Н. Белозеровым. Сюжет на фото вроде бы привычный, индустриальный. Висится на нем этаким железным жирафом обыкновенный подъемный кран. Но это он на вид обыкновенный. А по сути — памятник. Хотя и нет возле упреждающей таблички «Руками не трогать», к крану-памятнику никто не прикасается уже пару лет. Он, надо заметить, так удачно вписался в окружающую среду, что супружеская воронья пара без страха свила на стреле крана уютное гнездо и вывела в нем воронят.

Словом, молодцы трудяги из ПМК облрыболов-потребсоюза! Сообразили, что ждать установления в их честь какой-нибудь гранитной стелы — дело ненадежное. Сами учредили себе памятник, так сказать, из подручных средств.

Дороговатый, конечно, вышел мемориальчик. Как-никак, а час простоя башенного крана обходится около сорока рублей. Прикиньте-ка сумму за два года. Но кому это дороговато? Не создателям же — государству. А оно у нас богатое и доброе!

В современной действительности, отмеченной большой терпимостью и широтой взглядов, мирно уживаются самые разные художественные стили и направления. И если кому-то вдруг пожелалось воздвигнуть себе памятник в виде комфортабельного, электрифицированного жилого вагончика, это не нашего ума дело. О вкусах не спорят.

И нечего подвергать сомнению эстетические взгляды тружеников СУ-105, оставивших о себе память в городе Дедовске Московской области по-

средством именно такого вагончика. И вот уже более двух лет местные жители, как сообщил нам один из них, а именно Я. Яковлев, имеют удовольствие любоваться этим зрелищем. СУ-105 давным-давно переместилась на свои бригады, а память о них — вот она — жива!

Внушительный памятник можно сложить даже из простых досок. Особенно если сложить эти доски в портовом тупике, а сверху щедро навалить металлической клепки.

Именно таким способом решило увековечить о себе память начальство речного порта города Ростова-на-Дону, о чем написал нам рабочий из г. Енакиев В. Босов. Нехитрая операция, примитивный прием, а каков эффект! Какая буря эмоций! Сколько разговоров!

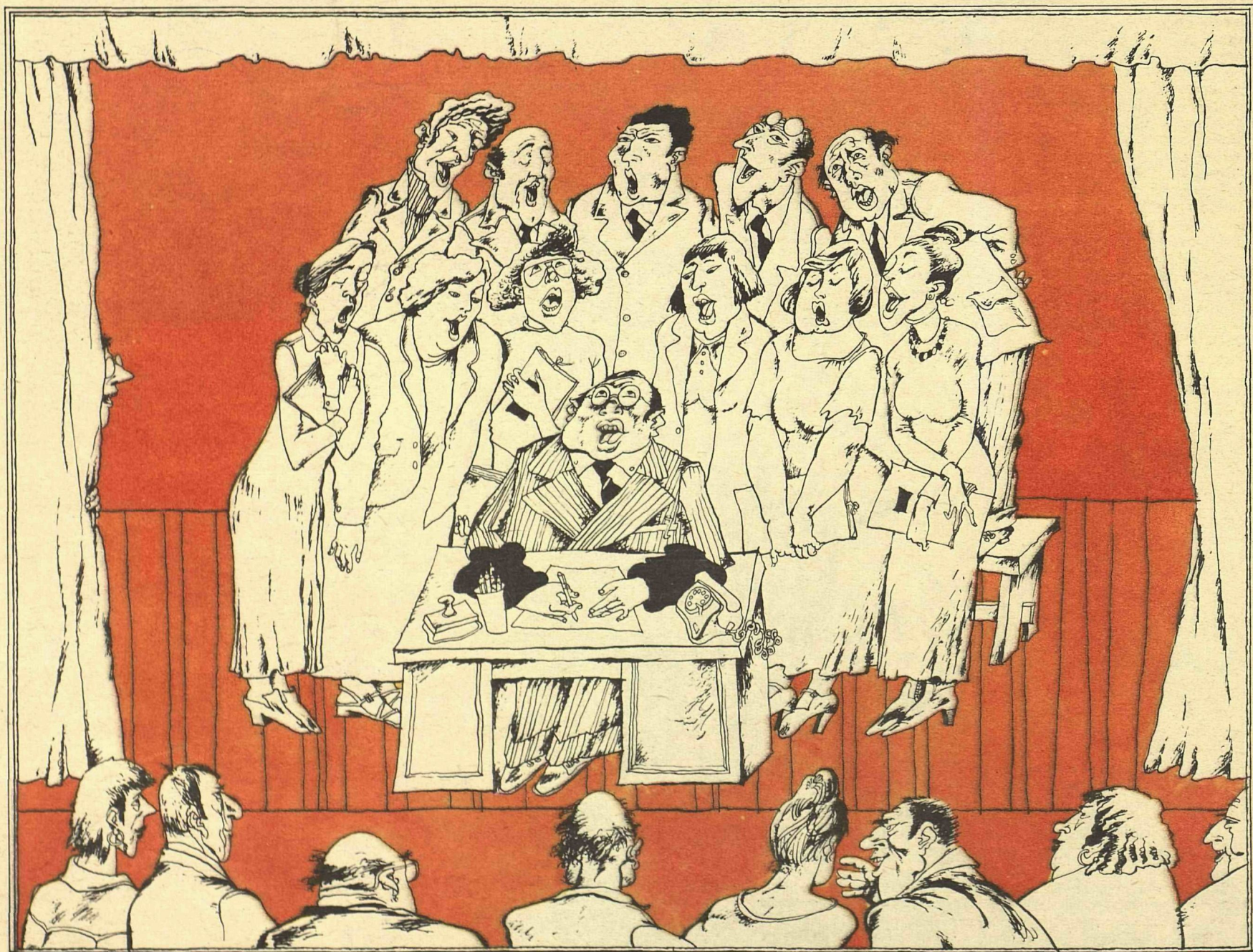
Грубые, антихудожественные натуры с Енакиевского металлургического завода — прямая угроза для этого древесного мемориала, заложенного ростовскими портовиками. «Отгрузите лес!» — ежедневно пристают енакиевцы и приводят какие-то скучные, прозаические доводы о срыве экспорта заводом, об остановке капремонта цехов.

И вынудили-таки ростовчан пообещать: «Получите ваши доски к будущей зиме, так и быть!» Похоже, что всего лишь год суждено просуществовать этому памятнику. Но и то, как говорится, хлеб!

Честно трудясь, совестливо хозяйствуя, семь потов пролить надо, чтобы тебя заметили и приласкали общественным вниманием. А создание этакого глобального мемориала бесхозяйственности ну никаких усилий не требует. Даже наоборот. Чем меньше прилагаешься, тем лучше.

Жаль только, авторы этих памятников частенько таятся из ложной скромности. Ведь память о них остается. Надолго.

Дм. ИВАНОВ, Вл. ТРИФОНОВ.

— Сам Иван Иванович изъявил желание участвовать в нашем хоре...

Рисунок В. СКРЫЛЕВА.

Знакомый почерк

Поговаривают, что после государственного переворота в Боливии будут учреждены новые боевые награды. Медали «За храбрость, проявленную при расстреле рабочих», «За штурм университета в Ла-Пасе», «За героическую бомбардировку городов Оруро и Потоси», «За мужество при разгоне домохозяек и детей». А также орден «За государственную измену» трех степеней на муаровой ленте. Что ни говорите, а захват власти потребовал от боливийских генералов незаурядных полководческих способностей: так лихо, по всем правилам военного искусства расправиться с собственным народом!

«С избирательными авантюрами покончено!» — объявил генерал от инфантерии Гарсиа Меса, примериваясь к президентскому креслу. Военные чины любят лаконичность. Хунта разъяснила свою позицию: «Сущность нового правительства отражает богатые теоретические и идеологические традиции военной, националистической мысли, уходящей корнями в деятельность выдающихся военачальников, стоявших во главе нации» (традиция есть традиция — за 155 лет независимости в Боливии произошло 189 государственных переворотов). И далее: «В Боливии будет разработана новая концепция демократии» (очевидно, самая совершенная, которая ликвидирует все прежние, вместе взятые).

Итак, демократия вне опасности. Нелегко было спасти ее от посягательств собственного народа. Но боливийские генералы без колебаний заявили, что в этом деле их не остановят никакие трудности. Хотя вся страна зальется слеза-

ми и кровью. Что и было сделано во имя демократии, естественно.

Есть признаки того, что боливийская хунта никого так не уважает, как генерала Пиночета. И во всем старается копировать чилийского каудильо. Взять, к примеру, его незапатентованное изобретение со стадионам «Насьональ», превращенным в концлагерь. Пожалуйста, в Боливии аналогичный случай. Или другое детище его генеральской мысли — исчезновение человека без вести. Был человек — и, как говорится, сплыл. Попробуй докажи, что виновата хунта. Пожалуйста, и в Боливии таких «фокусов» сколько угодно.

В свое время Пиночет довольно изящно сформулировал свой взгляд на политику: «Демократию нужно время от времени купать в крови». Чтоб она была чистенькой. Возьмешь ее, теплую, в руки, а с нее капает... Боливийская хунта полностью разделяет его точку зрения. Она устроила стране такую баню, что до сих пор не могут подсчитать убитых и раненых. Не говоря о пропавших без вести. В общем, всё, как в Чили.

Правда, с конституцией вышло расхождение. Пиночет в день переворота уничтожил ее в прямом и переносном смысле. Боливийская хунта торжественно провозгласила, что «конституция будет неукоснительно соблюдаться, за исключением тех случаев, когда она противоречит целям нового правительства». Почему-то «тех случаев» оказалось великое множество. Можно сказать, что каждый шаг хунты — это «тот случай». Так что генеральскому правительству просто не оставалось ничего другого, кроме как отменить свободы и права человека, запретить политические и общественные организации, разогнать конгресс и местные органы власти. И вообще ввести военное положение.

И еще одно сходство: порою кажется, что чилийские генералы бережно сохранили и передали сцена-

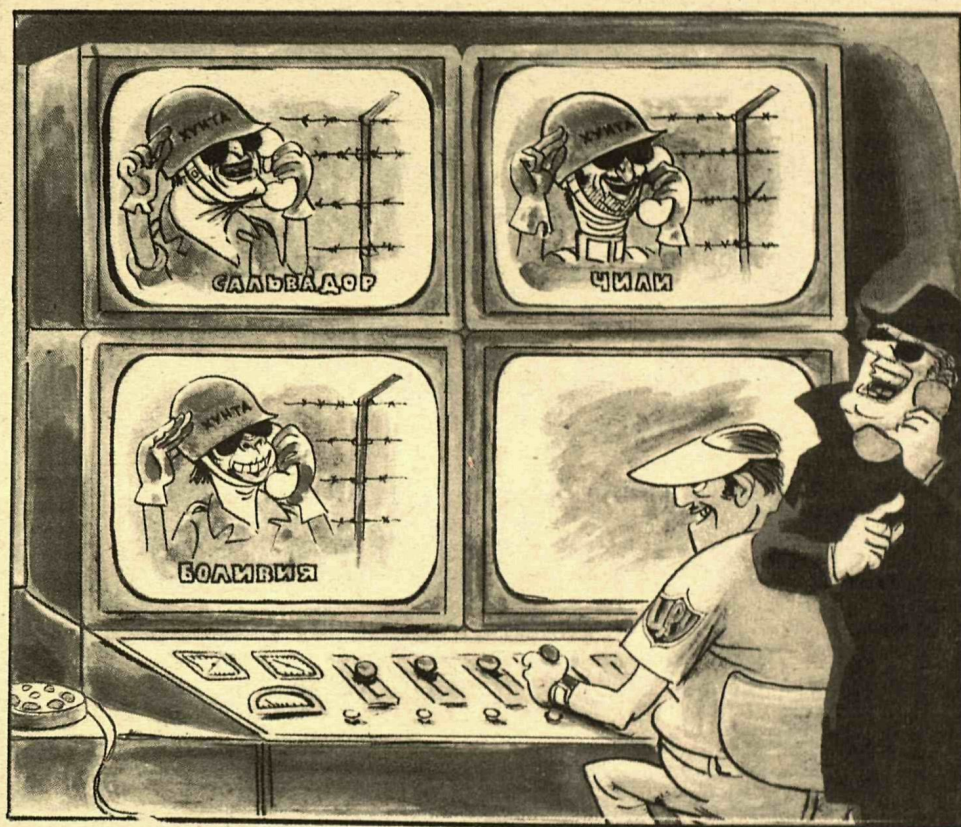

рий переворота своим боливийским коллегам. Авторы сценария скромно не называют своих имен. Известно только, что они трудятся в местечке Лэнгли близ Вашингтона, в учреждении под названием ЦРУ. Правда, в Вашингтоне возмущенно взмахнули руками: опять военный переворот! Опять удар по демократии! И даже объявили, что прекращают оказывать Боливии военную помощь. Генералы

в Ла-Пасе понимающе ухмыльнулись: слава богу, прежней помощи оказалось вполне достаточно. Что же касается удара по демократии, то в этой связи французская газета «Матэн» с нескрываемой желчью в голосе заметила: «Призывы США к уважению демократических принципов чрезвычайно отстали от событий. Поддержать президента Боливии Лидию Гейлер следовало до 17 июля, а не

на следующий день после ее свержения».

— НАВЕРНОЕ, В ВАШИНГТОНЕ ПОДУМАЛИ ТАК: «ЛУЧШЕ ПОЗДНЕЕ ПОДДЕРЖАТЬ ХУНТУ, ЧЕМ РАНЬШЕ — ДЕМОКРАТИЮ»!

— Одна и та же передача по трем каналам? Вы ошибаетесь, мистер телезритель, передачи разные, режиссер — один!

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

П. ПАРХИТЬКО

Фемида придет на поминки

Как важно не торопиться с суровыми выводами! Более тридцати лет подряд люди твердили, что американская Фемида, словно чадолюбивая наседка, пригревает под своим хитомом беглых военных преступников, гитлеровских палачей.

— Ах, что вы, что вы! — благородно возмущались господа вашингтонцы. — Почему же «пригревает»? Она их держит... пусть не в тюрьме, но в поле зрения. Да, около 350 джентльменов с гитлеровским прошлым пребывают на территории Соединенных Штатов. Действительно, мы не раз отвечали отказом на требования СССР и других стран о выдаче им бывших эсэсманов для предания суду по месту преступления. Но кто вам сказал, что наша Фемида благоволит к ним? Рано или поздно она сама за них возьмется.

Однако сроки, укладываемые в категорию

«рано», давно миновали, а «поздно» грозило растянуться на несколько столетий.

Но вот, опровергая пессимистические прогнозы, Фемида звучно анонсировала: «Приступаем!» По сообщению журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», министерство юстиции возвестило, что начинается расследование по делам бывших нацистов. Таких, как Майк Паскер, 39 лет назад своими руками расстрелявший сто мирных граждан в Литве; Федор Федоренко, обвиняемый в военных преступлениях в Польше, и им подобных.

Правда, соприкосновение гитлеровских палачей с гладкой поверхностью скамьи подсудимых произойдет не завтра и даже не послезавтра. По словам представителя министерства юстиции, лишь предварительное расследование займет пять—семь лет.

Займемся несложной арифметикой в объеме второго класса средней школы. Со дня переселения палачей за океан прошло в среднем лет тридцать. Делим это число на пять. Ответ: шесть раз миссис Фемида могла бы уже провести расследование. Если же изучать материалы сверх-

обстоятельно, семь лет, то опять же путем простенького деления приходим к выводу, что уж четыре-то раза могли расследовать дело по каждому мерзавцу.

Так чего ждали? Очень просто: пока седовласые кровопускатели вконец одряхлеют и пока скончаются последние живые свидетели.

Так что на полированные скамейки скорее всего поставят красивые урны с прахом военных преступников. Зато усопших можно будет посмертно приговорить к жутким карам — от современной электрификации на спецстуле до старомодного четвертования.

Апелляций о помиловании прах обычно не подает...

— АМЕРИКАНСКАЯ ФЕМИДА РАБОТАЕТ МЕДЛЕННО, НО С ТОНКИМ ДАЛЬНИМ РАСЧЕТОМ!

В отличие от некоторых репортерских мероприятий, связанных с переодеванием в чужие униформы и прочим камуфляжем, этот рейд был задуман как примитивная засада.

Нам надлежало залечь в кустиках неподалеку от какого-либо хлебоприемного пункта и вести оттуда простейшее визуальное наблюдение за возможными неурядицами при приемке первого хлеба.

Из сводок, публикуемых областной прессой, было известно, что:

- а) урожай выращен мощный;
- б) корабли зерновых океанов (проще говоря, комбайны) всю бороздчат означенные пространства;
- в) драгоценный золотой поток уже хлынул в кузова автотранспорта.

Обсуждая эти волнующие известия, мы лежали, как здесь сочно речется, в «степу» и не отрывали пристальнейшие взгляды от хлебоприемного предприятия в Аккарже Беляевского района Одесской области. Сказать, что солнце лупило по сдвоенной лысине авторов, означало бы просто лакировать действительность. Солнце било наповал, и подчас один из нас бегал к ближайшему водоему (по местному — ставок) с тем, чтобы утолить жажду и принести собрату пригоршню воды в раскаленных ладонях...

На горизонте не было ничего.

Порой казалось, что у нас галлюцинация наоборот, что, ослепленные жарой, мы не видим верениц или караванов машин с зерном, пылящих к воротам ХПП...

Мы были готовы ко всему. Мы могли во всеоружии сатиры встретить скверные подъездные пути; зерно, сыплющееся сквозь зияющие бортовые щели; нехватку агрегатов и механизмов на хлебоприемном форпосте. Мы ожидали всего, но только не этого: ни одна машина так и не проследовала за целый день на территорию пункта!

XXVI

**ПРЕДСЕДОВСКИЙ
КРОКОДИЛЬСКИЙ
КОНТРОЛЬ**

Вл. АНТОШИН,
К. НАУМОВ,
специальные
корреспонденты
Крокодила

Решили добросовестно прождать ночь, к чему, кстати, обязывало и название репортажа. Для усиления бдительности мы подползли ближе к воротам.

Снова ничего.

Под утро, о наши тела споткнулся человек с берданкой, оказавшийся сторожем ХПП. Он был введен в курс крокодилской затеи.

— Та хлопчики же! — истоиво воскликнул страж. — Та вы же не там лежите!

Тут выяснилось нечто совсем странное. Оказалось, что лежать действительно нужно не у ХПП, а у станции Аккаржа.

— Скорейше бежить тудой! — кричал сторож. — Воны тудой йидуть...

И в самом деле, на рысях подбежав к железнодорожной станции, мы увидели: машины с хлебом прямо с токов подъезжали к вагонам, куда и сгружалось зерно, сейчас же увозившееся в неизвестном направлении.

«Тут кроется какая-то зловещая тайна», — пронеслась дуплетом одна и та же мысль по нашим репортерским мозгам. И, подчиняясь неумолимому зову профессии, уже через минуту мы отправились на буферах

вагона в только что указанном направлении...

Как долго продлится вояж? Как скоро устанут и отцепятся от стенок вагона наши бледные, физически не натруженные руки?..

По счастью, после часовой поездки состав встал на станции Овидиополь, в тридцати пяти километрах от Аккаржи. Здесь хлеб был тщательно взвешен и... отправлен в обратном направлении, на хлебоприемный пункт!

Нам надоело таиться, и, обмахнув друг друга носовыми платками, мы пошли в дирекцию ХПП и попросили разъяснить смысл загадочных передвижений зерна.

— А у нас весов нет, — с легким сердцем ответили сотрудники ХПП. — И не только нет, но, как говорится, и неизвестно, когда будут...

Пораженные столь беспечным отношением к пустопорожнему «гонанию» вагонов с хлебом, мы отправились в Одесское областное управление хлебопродуктов.

— А знаете что? — задумчиво сказал Сергей Васильевич Голинский, начальник управления. — Ведь железнодорожники же должны когда-нибудь проверять вес транспортируе-

мого хлеба. Так? Так. Другие грузы им тоже надо взвешивать? Надо. Так вот, пусть и имеют весы на станции Аккаржа...

Не очень успокоенные этой алмазной по твердости логикой, мы пошли к начальнику Одесского отделения железной дороги Николаю Марковичу Кравченко.

— А знаете что? — задумчиво сказал он. — Ведь заготовителям положено отправлять хлеб уже во взвешенном состоянии. Вот пусть они и заботятся насчет обзаведения собственным весовым хозяйством...

Признаемся, мы вышли из отделения дороги тоже как бы «взвешенные». Оказалось, что проблема с весами не сегодняшнего происхождения. Уже несколько лет мытарится хлеб по стальным магистралям, и сколько уже потрачено человеко-часов и народных денег, сказать трудно...

— Это еще что! — шепнул нам незнакомец, гулявший по коридорам управления хлебопродуктов. — Вы бы затаились у Любашевского элеватора. Вот это будут масштабы по сравнению с какой-то там Аккаржой...

Поскольку времени на журналистские «казачьи-разбойничьи» у нас уже не оставалось, мы совершенно открыто и нелегально возникли на хлебоприемном пикете в Любашевке.

— Где весы? — лаконично спросили мы тамошних компетентных сотрудников.

Весов не было. И тоже не первый год. Когда-то они, конечно, были. Но пришла государственная инспекция и сказала, что весы эти куда не годятся — как по ветхости, так и по технической отсталости. Ввиду такого печального оборота дел управление хлебопродуктов поднатужилось и достало-таки современные 150-тонные весы: вешай не хочу!

С тех пор, увы, прошел не один год, а весов все равно нету.

— А дело в том, — разъяснили нам, — что их не единожды привозили на элеватор и также не единожды увозили. Не можем решить, где их поставить!..

...Мы прощлись и проехали еще по многим хлебоприемным пунктам Одесщины. Посетили и скромные предприятия, не обобщи вниманием и индустриальные колоссы. Повсюду наблюдалась одна и та же картина: не хватает транспортной ленты, мало электролампочек, нет запчастей к электрооборудованию. Слаба лабораторная база. Почти повсеместно отсутствуют герметичные светильники...

Когда мы уже возвращались домой, одно и то же воспоминание одновременно посетило наши головы. Поймите, постойте... Но почему все это так мучительно нам знакомо? Не писали ли кто-нибудь из наших собратьев-журналистов об этом?..

Ну, конечно, вспомнили мы. Писали, писали! В том числе и в «Крокодиле». И в 1975 году. И в 1977-м. И в 1979-м.

И вот, как видите, теперь уже пишем в 1980-м...

Одесская область.

СРОЧНАЯ ТЕЛЕГРАММА

МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР

25/VI 1979

ПЕРЕСЛА: _____

732

Адресу: _____

ТОЛЬКО МОСКВА ПЕРВОМУ

Адресу: _____

Из: **СР КРАСНОЯРСК**

СРОЧНАЯ ДВА ПУНКТА ТРИ АДРЕСА МОСКВА А-137 ГСП РЕДАКЦИЯ

ЖУРНАЛА КРОКОДИЛ МОСКВА МИНИСТЕРСТВО ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

КОНАРЕВУ МОСКВА МИНТРАКТОРОСЕЛЬХОЗМАШ КИРИЧЕНКО

КРАСНОЯРСК УПРАВЛЕНИЕ ЖЕЛДОРОГИ ФАДЕЕВУ

ТРИДЦАТЬ ВТОРОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА КРОКОДИЛ 1979 ГОДА СТАТЬЕ

КОМБАЙНЫ ВЫВЕЗЕНЫ ОТМЕЧАЛАСЬ НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНАЯ ПОДАЧА

ПЛАТФОРМ ПОД ОТГРУЗКУ КОМБАЙНОВ СЕЛУ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГОЙ

ПОЛОЖЕНИЕ УХУДИЛОСЬ ПЕРИОД УБОРКИ КРАСНОЯРСКЕ

СКПИЛОСЬ 1300 КОМБАЙНОВ НАЗАРОВО 2000 ЖАТОК ПРОШУ

ВАШЕГО СОДЕЙСТВИЯ ОТГРУЗКЕ КОМБАЙНОВ

ПРОСКУРНАЯ

— Ба, старые знакомцы! — удивился Крокодил, пробежав глазами телеграмму, подписанную заместителем директора производственного объединения «Красноярский комбайновый завод». — Еще в 1978 году моя экспедиция, искавшая сибирские сокровища, обнаружила в Красноярске трехкилометровую очередь комбайнов, которые ожидали отправки по железной дороге.

Помнится, зам. министра МПС Н. Конарев издал тогда суровый приказ о срочном вывозе четырех тысяч томившихся в бездействии комбайнов. И года, какжется, не прошло, а железнодорожники организовали-таки отправку застоявшейся техники.

Если они и нынче будут действовать так же решительно и оперативно, то даю хвост на отсечение, что и эти 1300 комбайнов и 2000 жаток поспеют к урожаю следующего года!

Впрочем, слово за Министерством путей сообщения.

«Дорогой Крокодил!
Что мне нравится, так это оперативность нашей почты. Письмо от сына из Калининграда, отправленное в декабре 1978 года, я получил 21 июня 1980 года. С чем и поздравляю связистов».

А. Безбородкин, г. Москва.

Гарри ИОРШ

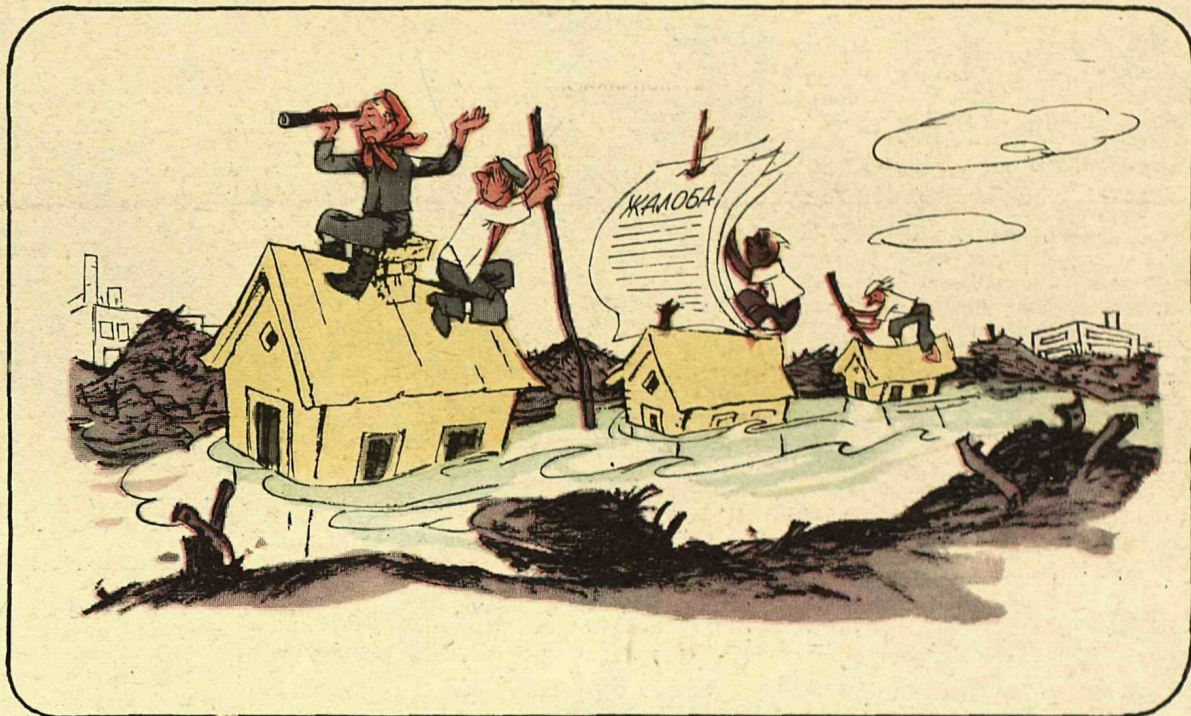
РИСУНКИ ПО ПИСЬМАМ ЧИТАТЕЛЕЙ

— Вам письмо!

«Снеся бараки, завод «Красный Аксай» сделал на их месте насыпь, которая закрыла сток дождевой воды. В результате нам ни проехать ни пройти. Разве что развлечение появилось: лягушачьи концерты».

Болгова, Рябова и др. жители
ул. 3-йлевой, г. Ростов-на-Дону.

«Без малого пять лет строился детский сад № 19 «Ромашка». Полтора года работал. С декабря прошлого года закрыт на ремонт: провалился пол, вывалилась стена...»

Н. Хрулева, г. Красный Сулин Ростовской области.

— Спасибо строителям, сохранили память о нашем детстве.

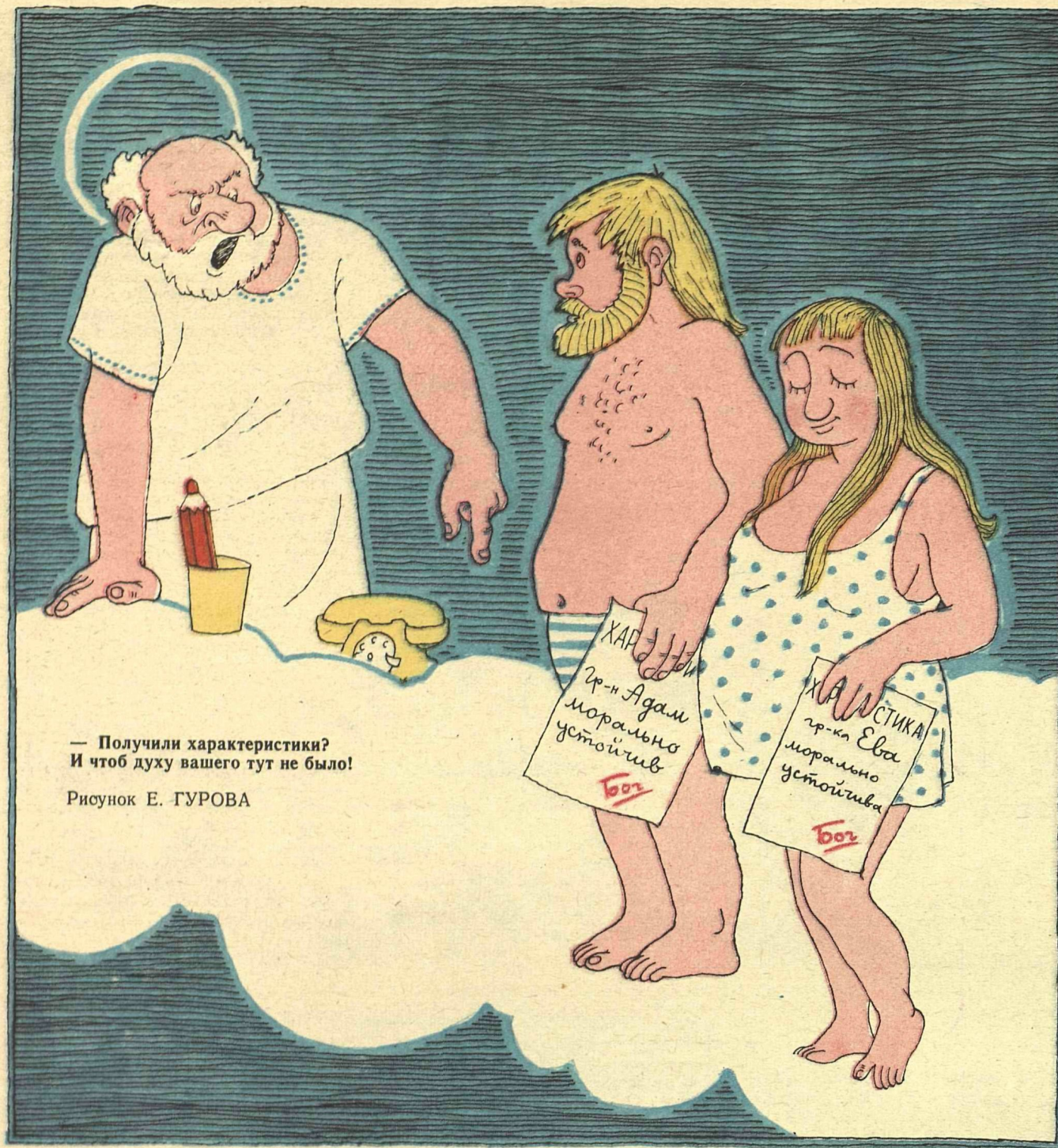
— Подгребай прямо к исполкому!

«Из трех конфорок электроплиты «Томь» пользуемся только одной: местная ремонтная организация не имеет возможности отремонтировать плиту — нет запчастей».

Клименков, г. Минск.

— Хорошо, что хоть ответы шлют!

— Получили характеристики?
И чтоб духу вашего тут не было!

Рисунок Е. ГУРОВА

Самый мрачный человек в редакции, редактор отдела «Нарочно не придумаешь», встретил нас утром словами: — Опять загадочная история. Сколько уже ломаю голову, а никак не могу разгадать этот ребус.

— Еще похлестче, чем с похищением дома № 10-а по улице Большой Юпитер города Новокузнецка? — поинтересовались мы.

Загадочное похищение дома, которое взволновало многих читателей, было описано в «Крокодиле» № 20, 1980 г.

— Похлестче, — вздохнул редактор отдела. — Прямо хоть вызывай знатоков для следствия.

— А это идея! — поддержали редактора отдела сотрудники «Крокодила». — Только знатоки сильно заняты на телевидении.

— Тогда пригласим не знатоков! Еще не известно, у кого лучше получится. Говорят, новичкам везет.

Идея понравилась, и тут же была сформирована группа из «не знатоков» в следующем составе:

НАЧАЛЬНИК СЛЕДСТВЕННОГО ОТДЕЛА «НЕ ЗНАТOKOв» — Иван Петрович Игрунец, выигравший по лотерее «Собаку Баскервилей» и умеющий мыслить логически.

СЛЕДОВАТЕЛЬ ПО ОБЫЧНЫМ ДЕЛАМ — Миша Коптилов, молодой человек, чуть было не купивший на черном рынке «Щит и меч» и обладающий здоровым скепсисом, нужным в любом деле, но особенно в следственном.

СЛЕДОВАТЕЛЬ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ — Маргарита Семеновна Газонова, которая знает все без всяких детективных пособий. Пытается печатать в разных изданиях нравоучительные истории под псевдонимом Яго.

Группа тут же закрылась в редакционной комнате на ключ.

— Итак... — сказал Игрунец. — Что мы имеем на текущий момент?

— На текущий момент, — солидно сказала Яго-Газонова, — мы имеем странное письмо от главного редактора Астраханского телерадиокомитета Алексея Кирилловича Ступецкого. Он жалуется...

— Украл кусок эфира? — сострил Миша. Миша был еще молод и искренне считал, что если он находится в стенах юмористического журнала, то надо беспрерывно острить.

— Хуже. Засорили эфир. — Ругался кто-нибудь? — мрачно спросил счастливый обладатель «Соба-

Виктор КОНЯХИН

Рассказ

ВЕРЕВКИН СИДЕЛ И ДУМАЛ

После доклада начались прения.

Каждый лез на трибуну и говорил, что ему не дают работать в полную силу. Первый участок обвинял второй, третий обливал грязью четвертый.

Веревкин сидел и думал. Что людям надо? План выполняется, премии дают, квартиры получают...

Когда все охрипли, он бодрым голосом сказал:

— Предлагаю прекратить прения.

Вокруг зашикали. Веревкин понял свою бестактность и скромно сел на место. А коллеги перекурили и снова начали выступать. Второй участок вспомнил скрытые недостатки первого, четвертый обвинил третий в срыве всех срочных заказов.

Веревкин сидел и думал. Что людям надо? Продукты на работу привозят. Отгулы дают. На курорт посылают. Когда предложили второй перекур, он громко и категорически заявил:

— Поздно. Городской транспорт ходить перестанет.

Коллеги замахали руками, но Веревкин твердо стоял посреди зала, и ему проголосовали — уйти по семейным обстоятельствам. Семьи у Веревкина еще не было, и он ушел просто так.

В трамвае ехала тишина. Напротив в домашней позе, сплющив крашенные ресницы, сидела дама. Вошел таксист: навеселе и в фуражке. Он прищурил левый глаз и сказал даме:

— Дорогу зашлагбамила.

Дама обиделась и сказала оскорбление:

— Такса.

Веревкин вежливо обратился к ним:

— Неприлично ругаться в общественных местах.

Таксист с дамой сгруппировались и высказали Веревкину несколько нехороших слов.

А еще через остановку вошедший длинный пассажир потребовал у Веревкина сдачу со своего пятака. У Веревкина был проездной, и пассажир обиделся:

— Я за свою копейку любую фотокарточку порву.

Домой Веревкин приехал поздно. Соседи справа, слева и сверху давно спали. В подвале равномерно урчал мотор и гонял по трубам горячую воду. Под окном дворник ремонтировал свой инвентарь — метлу и на средних тонах пел песню. Веревкин изнутри постучал в окно.

— Тише, пожалуйста, дети и взрослые спят.

— Закрой форточку, — перешел на прозу дворник, — не порть пейзаж.

Веревкин задернул штору и заглушил дворника. Поправил на полу ковер и обеззвучил мотор, сел на кровать и пошевелил пальцами ног.

Телевизора у Веревкина не было. Он коллекционировал открытки и каждый вечер рассматривал репродукции, чтобы сбросить стресс.

Художники рисовали красивых, сильных людей, которые убивали чудовищ, спасали и воровали женщин. Совершали подвиги и вызвали благородные мысли.

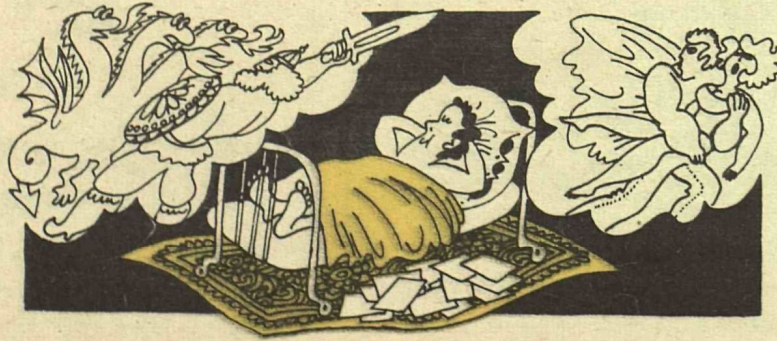
Мысли приходили и разгуливали в голове и вокруг, облагораживая Веревкина, и украшали его скромную пятнадцатиметровую комнату у Птичьего рынка.

Вскоре тяжелая голова Веревкина опрокидывалась на подушку и репродукции оживали во сне. В черно-белом варианте, но движущиеся. Веревкин уважал их, что они никогда не кричали и не обещали телесных повреждений. В таком обществе мечталось прожить тысячу лет.

Просыпался Веревкин четырнадцать минут девятого. Нажимал кнопку, предупреждая звонок будильника, умывался холодной водой, пил кофе из чайника и трусцой прибегал на остановку. Подходил трамвай, похожий на разноцветный глобус, из его щелей выглядывали джинсовые колени людей. Железный труженик лязгал суставами и тарактел.

Очередь вдавливала Веревкина в салон и через пять остановок выталкивала у его научно-производственного заведения. Он отражался и каждое утро недовольно говорил:

— Что людям надо?

ки Баскервильей». — Послать на место работы, изъять аппаратуру, — решительно рубанул ладонью начальник «не знатоков». — Пусть другим будет неповодно. Однажды включил приемник, а там объяснение в любви какого-то Миши к какой-то Маше и «Все могут короли». А мне эти короли, может быть, до лампочки.

— Тут дело серьезнее, — сказала Яго, шелестя бумагами и раздраженно тряся седыми кудрями. — Вы правы: засорение эфира было... однако несколько неожиданное. Я бы сказала, не типичное засорение...

— Чем же? — хмыкнул Коптилов. — Надеюсь, не осетровой икрой?

— Именно осетровой икрой.

Наступила пауза.

— Однако... пробормотал Игрунец. — И того... документы есть?

— Есть! — сказала следователь по особо важным делам. — Выписка из протокола № 11 собрания коллектива прямо-транспортного цеха Оранжевого рыбокомбината... Вот, пожалуйста... от 14 июня 1980 года...

— И повестка дня именно о засорении эфира икрой? — ехидно спросил Миша Коптилов.

— Именно.

Опять наступила пауза.

— Однако. — Начальник сердито кашлянул и обвел группу «не знатоков» сердитым взглядом, пытаясь скрыть смущение. — Печать тоже... есть?

— Стала бы я заводить дело, если бы не было печати, — обижено поджала губы Газонова-Яго. Все машинально посмотрели на ее губы. Губы были покрашены под цвет волос серебристой краской и очень шли ей. — Вот она, печать... «Всесоюзное рыбопромышленное объединение Каспийского бассейна Каспрыва. Оранжевый рыбокомбинат МРХ СССР».

— Солидно, — покачал головой Игрунец. — И подпись в наличии?

— И подпись в наличии, — опять поджала серебристые губы следователь. — Пожалуйста... «Секретарь партбюро

приемо-транспортного цеха Т. Ф. Тимофеев».

— Я не верю! — вдруг воскликнул скептик Миша. — Этого не может быть! Предъявите следствию документы.

— Этого не может быть, потому что этого не может быть, — передразнила Яго своего коллегу и протянула ему бумаги. — Читайте вслух.

Следователь по обычным делам взял в руки конверт и стал читать:

— «Повестка дня. Первое. Обсуждение помощника капитана т/х «Бедовый» Пантелеева Бориса Михайловича. Слушали: Информацию Тимофеева Т. Ф., который зачитал материал, поступивший на пом. капитана т/х «Бедовый» Пантелеева Б. М. из областного радиовещания и Астраханской инспекции Севкасприбывода о неблагоприятном поступке, который прозвучал в эфире, а также в этот день был задержан с похищенной икрой осетровых пород. Поступок заслуживает наказания».

Лицо Игрунца, иссеченное морщинами — следами битв за детективную литературу, — слегка разгладилось.

— Повестка дня, конечно, грешит стилистикой, но ни о какой икре в эфире там нет речи. Вы что-то напутали, уважаемая Маргарита Семеновна...

В голосе начальника было некоторое скрытое торжество, потому что он недолюбливал Яго с ее педантизмом и серебристыми губами.

Следователь по особо важным делам «не знатоков» игнорировала слова своего начальника и продолжала, заглядывая в бумаги:

— «Вопросы к Пантелееву Б. М. Николенко А. Ф.: «Вы признаете себя виновным в вышеуказанном факте?» Ответ: «Да, признаю частично, что я неправильно вел себя при разговоре в микрофон. Икры никакой у меня не было, и понятия не имею. Обещаю больше таких вещей не повторять».

— Однако... — пробормотал начальник следственного отдела. — Довольно странный ответ... «Неправильно вел

себя при разговоре в микрофон...» Гм... такого, признаться, мне слышать не приходилось.

— Ерунда! — закричал Миша Коптилов. — Дело не стоит выеденного яйца! Ну... не так выразился человек в микрофон! С кем не бывает. Сдавайте дело в архив! Обедать пора! Говорят, сегодня в буфете бананы давать будут! Яго-Газонова пропустила этот жизнерадостный вопль мимо ушей и продолжала читать протокол:

— «Выступили: Овчинников Д. Г.: «Поступок Пантелеева Б. М. заслуживает наказания, так как таких вещей допускать нельзя засорять эфир. Я предлагаю на первый раз строго предупредить. В случае повторения вернуться к обсуждению и принять более строгие меры».

— Ну и что? — опять закипятился Миша Коптилов. — Мало ли кто что сказал! Сами знаете: на собраниях люди несут кто во что горазд. В обычном разговоре никогда такого не скажет, со стыда сгорит, а на собраниях его ахинею слушают и хоть бы что...

— Михаил... прав, — строго сказал Иван Петрович. — Надо прекращать это абсурдное дело. А то и в самом деле останемся без бананов.

— А «постановили»? — ехидно спросила Яго. — Может быть, вам интересно знать, что постановили на собрании № 11?

— Ну что постановили? — нехотя спросил Иван Петрович, поглядывая на часы. — Небось, врезали помкапитану на всю катушку за похищение икры осетровых рыб да разошлись.

— Засолили его в бочку, — сострил легкомысленный Коптилов. — Чтоб впредь другим неповодно было.

— Э-эх, молодежь... — Яго годила Мише в материю. — Не знаете вы жизни. Цитирую: «Постановили: «За совершенный поступок т. Пантелеева Б. М., т. е. засорение эфира радиовещания — строго предупредить. В случае повторения принять самые строгие меры. Принято единогласно, против нет».

В комнате долго стояла тишина.

— Против нет? — машинально спросил Игрунец.

— Нет, — твердо ответила Яго.

— Этого не может быть! — воскликнул скептический Миша.

— Этого не может быть, потому что этого не может быть, — парировала следователь по особо важным делам.

— Тише! — поднял руку начальник отдела. — Будем рассуждать логически. В разделе «Слушали» четко сказано: «...а также в этот день был задержан с похищенной икрой осетровых пород. Поступок заслуживает наказания». Значит, помкапитана икру брал? Брал. Задержан был? Был. Наказание заслужил? Заслужил. Помкапитана и понес наказание.

— Но за «засорение эфира радиовещания»! — воскликнул Миша.

— Совершенно верно! За засорение эфира радиовещания, — подхватил Игрунец. — Все логично.

— Логично?

— Да. Логично... Если собравшиеся обсуждать капитана были... несколько навеселе. Пришли на так называемое собрание дружки... Водочка, икра... То, се... Эх-х... Кто не грешен... Чего только не напишешь после такого собрания.

Яго-Газонова презрительно скривила свои марсианские губы.

— Шестьдесят один, — сказала она.

— Что шестьдесят один? — разом удивились Миша и Игрунец.

— Цитирую: «Присутствовало шестьдесят один человек». Версия о выпивке, дорогие товарищи, таким образом, полностью отпадает. Напоить шестьдесят одного человека довольно трудно.

— Может быть, сеанс массового гипноза? — неуверенно предположил Миша.

Яго пожала плечами.

— Что, гипнотизеру больше нечего делать, чем ходить по «персоналкам»? Все «не знатоки» согласились, что вряд ли гипнотизер охотно посещает «персоналки».

— Что будем делать с этим делом? — спросила Яго почти в рифму.

— Однако... — сказал начальник отдела и почесал затылок.

— М-да... — пробормотал Коптилов.

— Тогда я предлагаю пойти за бананами, — решительно заявила Яго.

— Заметано, — сказал начальник. — Это дело с капитаном гиблое.

И все «не знатоки» отправились в буфет за бананами.

Андрей ВНУКОВ

СОБАЧЬЕ ДЕЛО

Не в глухой деревне, не в лесу,
В городском саду, а не на даче

Гражданин выгуливал козу,

Вел ее на поводке собачьем...

— Запрещен тут выпас личных

коз! —

Гражданина тут же заругали.

— Где коза! Со мной гуляет пес...

— Почему ж укашен он рогами!

— Где рога! А что, рога нельзя!

Вас волнуют лишь рога — и только!

Между прочим, личной жизнью пса

Не интересуюсь я нисколько!

Юрий ЦЕЙТЛИН

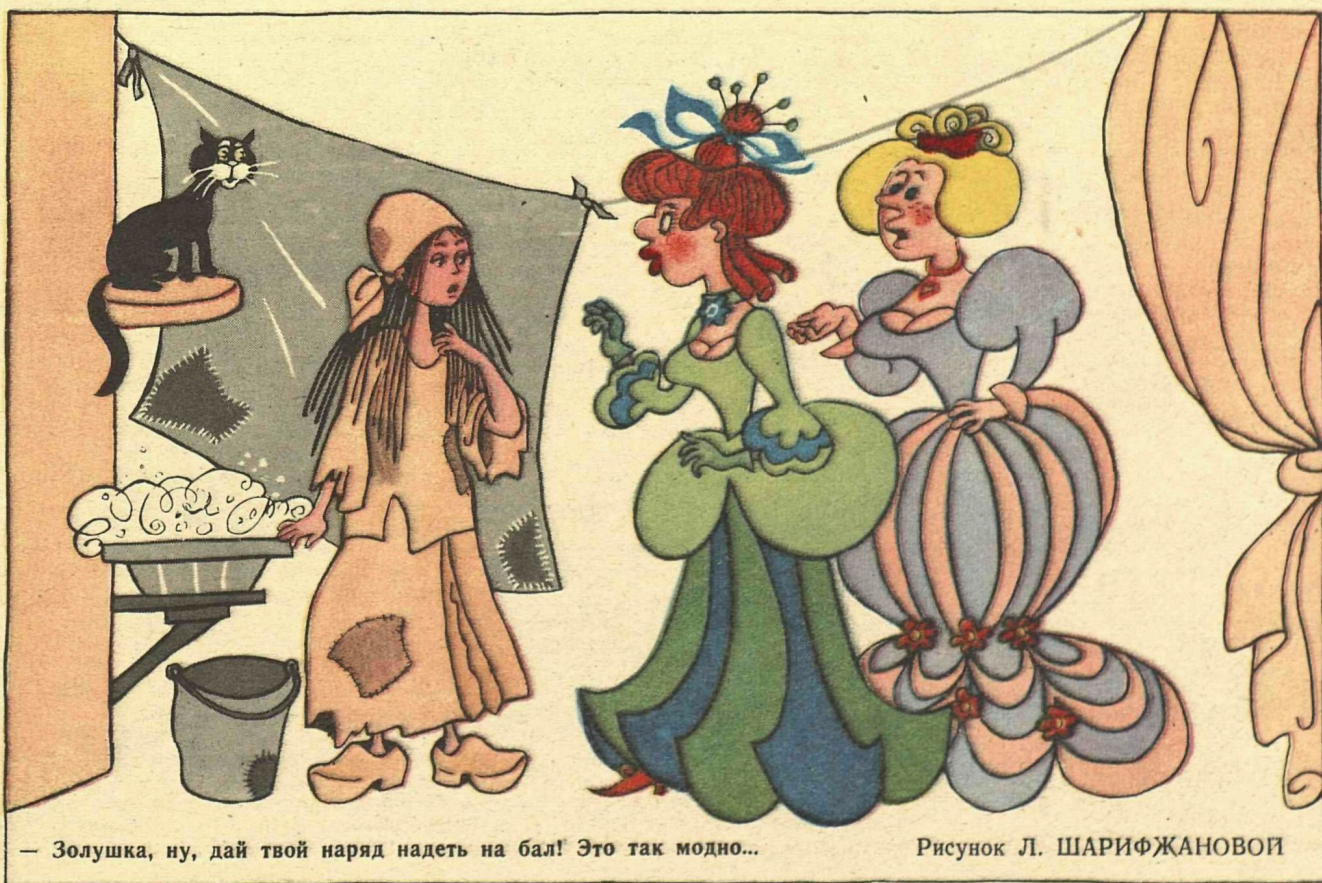
СТРАДАНИЕ

Все сосиски в целлофане —

Так изобрели в НИИ...

Ой, НИИ, смягчи страдание —

Вставь в сосиски молнии!

— Золушка, ну, дай твой наряд надеть на бал! Это так модно...

Рисунок Л. ШАРИФЖАНОВОЙ

КОНСПИРАТИВНАЯ КВАРТИРА

Алексей
ХОДАНОВ

Телефон Маргариты Новомир Петрович записал на букву «Л», подразумевая при этом, как видно, любовь, которой суждено навсегда окружить ореолом это замечательное, воспетое еще великим Гете (О Маргарита!) имя.

Ее ласковый, убаюкивающий голос вливался в него из наушника целительным бальзамом:

— Как я рада у тебя грустный тон что случилось не надо волноваться я с тобой помни об этом любимый милый самый хороший умничка сильный я думаю о тебе горжусь жду скучаю вечно твою если трудно отвечать положи трубку я все понимаю.

Он мог бы принимать этот бальзам без конца, но были у него и другие заботы...

Заболелся он о своей жене Валентине Гавриловне, болезненной, вечно раздраженной, вспыльчивой, порабощенной заботами о дочерях и доме, носился по магазинам, выкупал книги, обильно прибывающие по подписным квитанциям, посещал школьные родительские собрания и даже оформлял школьную стенгазету, циклевал пол, пересаживал цветы. Дома он выполнял в основном тяжелые и нудные работы, за которые никто не говорил ему спасибо, к которым привык, как можно привыкнуть ко всему, что неизбежно и неотвратимо. Письменный стол его вместе с машинкой и чертежами, которые он позабыл когда-то убрать, подернулся пылью (Валентина Гавриловна, производя уборку, по старой договоренности обходила стол стороной).

А любил он Маргариту, юную, добрую, легкую, радостную, ласковую, которая всегда его ждала. Занимала она небольшую комнату в доме гостиничного типа, причем комнатка располагалась неподалеку от входа на первом этаже, и Новомир Петрович мог свободно приходить незамеченным, выждав некоторое время у лифта. А потом, когда подросли акации, он и вовсе мог вприпрыжку в окошко, когда ему вздумается, и таким же манером выходить. И что его подкупало в отношениях с Маргаритой, так это ее склонность к конспирации.

— Тихо-тихо-тихо! — шептала она испуганной скороговоркой (ему слышалось: «Тихтихтих»), когда он вприпрыжку в комнату большой, по-мальчишески беспечной и озорной. — Миркин, ты уверен, что на тебя никто не положил глаз?

— Я прошел к тебе по облакам! — кричал он, подхватывая ее своими сильными руками и кружа по комнате, рискуя сбить вазу с любимыми своими цветами — лилиями, которые всегда были свежими, как бы ни лютовали морозы или ни пылала жара.

— Купили ли лилии? Купи ли-ли-ли-ли! — шутил он, радуясь этой конспирации, так как конспирация, ему казалось, доказывала бескорыстность: уж если бы решила приручить, то постаралась бы узаконить отношения на людях, это уж точно! Привела бы какого-нибудь дядюшку, подговорила бы забежать в самую ответственную минуту подружку, угостила бы подсадной соседкой!

Но она ничего от него не хотела, кроме скромной возможности видеть урывками и любить без памяти. Он просто млел от счастья, не переставая поражаться тому, что за целый год их медового месяца, который обещал быть бесконечным, каждое расстава-

ние выливалось в горькие слезы, а каждое, даже минутное свидание по дороге, случайно, когда под окном нетерпеливо урчало такси с его портфелем, оставленным шоферу под залог, — в бешеную радость, какая бывает, когда возвращается любимый и единственный из дальнего похода, пропыленный огненными ветрами, просоленный девятью валами, но все же возвращается, хотя мог бы и сгинуть в зыбкой, начиненной смертельными опасностями дали...

Но всегда, какой бы радостной ни была встреча, в подсознании теплился испуг: а что, если скажет, чтоб остался, что не может отпустить — что тогда? Но нет, не намекала, не умоляла, а, отласкав, говорила строго:

— Тебе пора. Поздно.

Однажды он в порыве благодарности за искренность, за слезы предстоящей через несколько минут разлуки на целую вечность — до завтрашнего дня, вдруг сказал, надеясь втайне на отказ:

— Хочешь, я побуду у тебя до утра?

В голове его выстроился дьявольский, как он искренне считал, план: если согласится вдруг, выйду, позвоню Валентине Гавриловне из автомата, сумею убедить, что застрял за городом у коллеги, а электричка ушла и такси не предвидится.

— Иди домой, не надо, — сказала она, точно угадав его терзания, — не хочу, чтобы ты обманывал жену. Она ждет тебя, иди. И я буду ждать. Не казни себя: ведь я всегда с тобой!

Новомир Петрович вылезал в окно, потрясенный ее благородством, и продиравшись сквозь акации, кляня себя за ложь, за мягкотелость.

— Она хочет, чтобы я был чист и честен! — решил он, с благодарностью глядя на свет ее желанного окошка, едва пробивающийся сквозь зеленый конспиративный ход. — И я останусь таким!

Насвистывая «Пора-пора-порадуемся на своем веку!», он легко, как когда-то в незапамятные студенческие времена, когда ходил на свидания с Валентиной Гавриловной, помчался по пустынному проспекту, но, пробежав метров сто, задохнулся и присел на скамейку в ожидании случайного такси.

— Лучик моего солнышка, — сказала Маргарита на следующий день, — если б ты знал, как мне тяжело смотреть на твои мучения... Как ты прячешься от соседей, пользуешься окном вместо двери, а это унижительно в твоём положении, ты же не мальчик, лапушка, нет, нет, душой ты, конечно, мальчик, но я не могу видеть, как ты страдаешь и портишь себе нервы!

— Но ведь так уж получилось, — успокаивал ее Новомир Петрович, — так сказать, исторический факт, с которым надо смириться, тем более, ты знаешь, живи ты в самом роскошном замке, я бы любил тебя не больше, потому что больше невозможно, и вообще все материальное чуждо мне!

— Ты чудо! Но подумай, если бы у тебя был ключ от своей квартиры, в которой ждала бы тебя я, тебе было бы намного спокойнее!

— Но как это сделать? — спросил он растерянно.

— У меня есть возможность вступить в кооператив, случайная счастливая возможность... Извини, милый, может, я говорю не то, может, тебе этого и не хочется...

Она поднесла к глазам красивый, благоухающий его любимыми духами платочек и отвернулась, а он вскопчил, как ужаленный, ужасаясь, что она могла усомниться в его чувствах:

— Да что ты! Как ты обо мне думаешь? Да я сделаю все, что ты хочешь!

— Не я хочу, радость моя, а мы, мы хотим!

Они бросились друг другу в объятия, и вечер этот был последним свободным вечером Новомира Петровича, когда он забывал о времени, которое летело счастливо и незаметно. С этого вечера время превратилось в деньги, которые надо было срочно добывать, чтобы внести паевой взнос. Стрелки часов, даже секундная, связаны были теперь только с глянцевыми плотными радужными бумажками, и чем больше он усекал свое личное время, предназначенное для научной работы, которая должна была обернуться ошеломляющим (в это верили все!) открытием, чем больше ограничивал свой отдых и даже визиты к Маргарите, тем толще становилась пачка этих бумажек, тем крупнее цифры значились на них.

Суэта захлестнула его, как морская волна прибившегося к берегу неразумного моллюска, суэта, состоящая из срочных заказов, которые он запрашивал на соседних заводах, репетиторства юных балбесов, рецензирования под копирку работ начинающих ученых, сооружения схематических сценариев учебных фильмов и всяких других всевозможных сиюминутных заданий, про которые приходилось узнавать, где только можно.

Нагрузка, которая вдруг обрушилась на его несколько отяжелевшие, но некогда мощные плечи неизменного участника сборной завода по волейболу, любого другого бы придавила, но Новомир Петрович справлялся со всем этим, казалось, шутя и даже находил еще силы для того, чтобы заботиться и любить.

Владимир ОРЛОВ

Вовочка

(Из городского фольклора)

Солидный портфель
И солидная шляпа:
За Вовочкой в садик
Является папа.

Впервые
За пять с половиною лет
У папы нигде
Совещания нет.
Солидный папаша
Стоит на паркетке
И надпись читает:

НОРМАЛЬНЫЕ
ДЕТИ

ТРУДНЫЕ
ДЕТИ

САМЫЕ
ТРУДНЫЕ ДЕТИ

За стенку хватается
Вовочкин папа,
Все выше на нем
Поднимается шляпа.
— Я здесь, — говорит он, —
Впервые сейчас,
Мой Вовочка, видимо,
Где-то у вас!
— Простите,
Но это ребенок не наш.
Вам нужно подняться
Еще на этаж.
Еще на этаж
Поднимается папа,
По лестнице катится
Папина шляпа.
Он медленно сел
И шепнул:
— Обстановочка!..
Железная дверь —
И написано:

ВОВОЧКА

г. Симферополь.

— Ах, какую я сделаю конфетку из нашей квартиры,— говорила Маргарита Новомиру Петровичу в одну из последних мимолетных встреч.— Прежде всего в ней будет все, к чему ты привык у себя дома. Точно такой же стол, такая же машинка «Эрика», такие же подписные издания, такой же холодильник «Розенлев» на кухне,— ты удивишься, а я все запомнила, когда была у тебя осенью, помнишь, когда Валентина Гавриловна вместе с Людочкой и Иришкой гостила у своей мамы в Калуге, какое это было хорошее время, милый!

Теперь, встречаясь, они предавались счастливым мечтам о замечательном доме, который им суждено создать; Маргарита говорила восторженно, Новомир Петрович несколько сдержаннее, ибо в минуты даже лирических разговоров думал все о своей левой работе, в которую окунулся с головой, и еще он с тревогой ощущал, как тяжелый пресс усталости придавливал его к земле. Иногда просто хотелось сесть, упасть и не вставать. К счастью, никто этого пока не замечал, кроме того, что, может быть, стал Новомир Петрович менее общителен, замкнулся в каких-то неизвестных делах, отдалился от друзей. Он то и дело смотрел пустыми глазами в потолок и беззвучно шевелил губами, подсчитывая доходы; раздобыл старенький портфель и, таясь от жены, прятал туда деньги, а портфель хранил на антресолях, среди пыльного хлама. Не хватало времени побриться, погладить брюки, пообедать. Был сорван срывочный, стоящий на контроле в главке заказ, и администрация вкатилась ему первый в его жизни строгий выговор. Девочки нахватили двоек, отбили от Валентины Гавриловны, и дневники их пестрели грозными призывами к потерявшему лицо родителю, который с такой яростью зарабатывал деньги, что Маргарита очень скоро сумела внести паевой взнос, и в один прекрасный день, взяв отгул, Новомир Петрович помогал ей упаковывать вещи.

С конспиративной квартирой он расставался радостно; одно только неприятно поразило его: оказывается, соседи Маргариты знали его по имени-отчеству. Когда машина с незатейливым скребом отъезжала от дома, он услышал:

— Не обижайте Маргариту, Новомир Петрович, будьте счастливы!

— Откуда они меня знают? — вырвалось у него.

— Так это же соседи! — рассеянно отвечала Маргарита, следя за тем, чтоб не рассыпались узлы. — Соседям все знать положено, на то они и соседи, милый! — она не глядя чмокнула его в колючую щеку, и в ухо Новомиру Петровичу полился целебный бальзам: — Паркет надо сменить лапотька я договорилась насчет мореного дуба дорого но зато какой шик лоджию застеклим будет наша маленькая дачка-верандочка шкафы в коридоре заменим очень дешево смотряся у тебя есть с собой денежка милый дай пожалуйста своему казначею который тебя обожает.

Теперь у Новомира Петровича было два совершенно одинаковых дома, в которых ждали его две женщины в одинаковых халатах, сидя перед одинаковыми телевизорами, а у дверей, возле одинаковых трюмо стояли одинаковые тапочки из зайца.

Пока он снимал плащ, чтоб повесить его на одну из одинаковых вешалок, ботинок его полировала одна из одинаковых ласковых сибирских кошечек, и иногда ему казалось, что он сошел с ума и раздвоился: одна половина продолжает помогать Валентине Гавриловне, другая лихорадочно строит счастье Маргарите.

Новомир Петрович совсем не радовался этой схожести, потому что, едва добравшись до какого-нибудь дома, он немедленно валился на один из одинаковых диванов и забывался в усталом полусне, стараясь справиться со звоном в голове, со стуком развинтившихся шестеренок в висках и тупой болью в сердце...

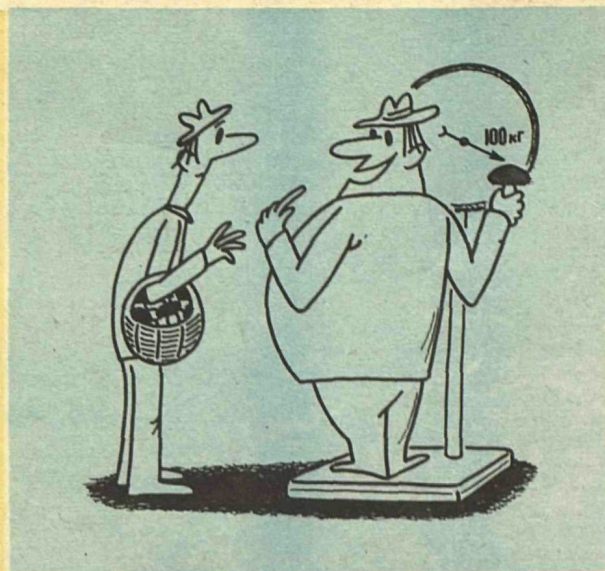
Историю эту поведали мне бывшие соседи Маргариты, люди, как оказалось, более чем осведомленные. Они просили редакцию вмешаться и приструнить морально падшего инженера. Но, не видя пока перед собой четко обозначенной темы, я решил для начала познакомиться с Новомиром Петровичем и познакомил его на работу.

Грустный молодой мужской голос ответил мне, что Новомира Петровича больше нет.

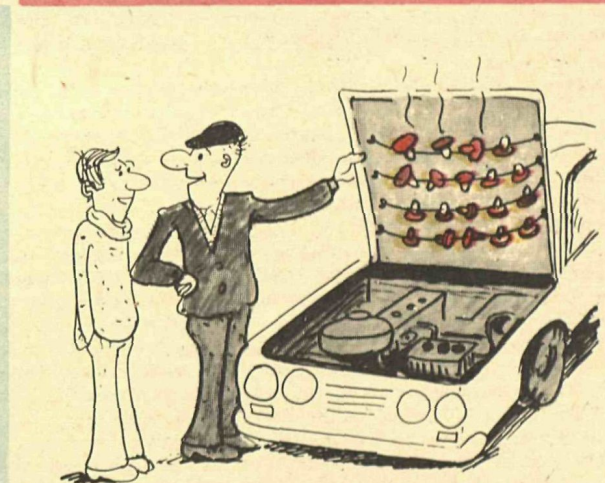
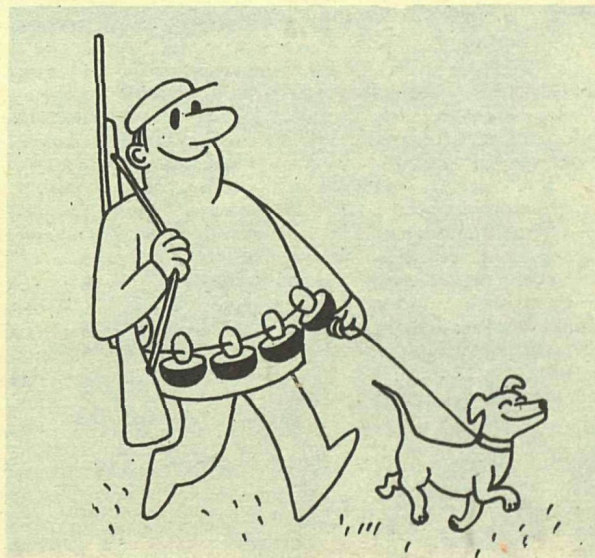
...Он умер на работе, в тот момент, когда лихорадочно рылся в блокноте, готовясь идти на производственное совещание, где должен был выступить, но, видно, забыл подготовиться или времени не хватило...

На похоронах его было торжественно и печально. Внезапный уход из жизни симпатичного молодого ученого, многообещающего, но так и не раскрывшего свои возможности, потряс всех, и заводской клуб был переполнен.

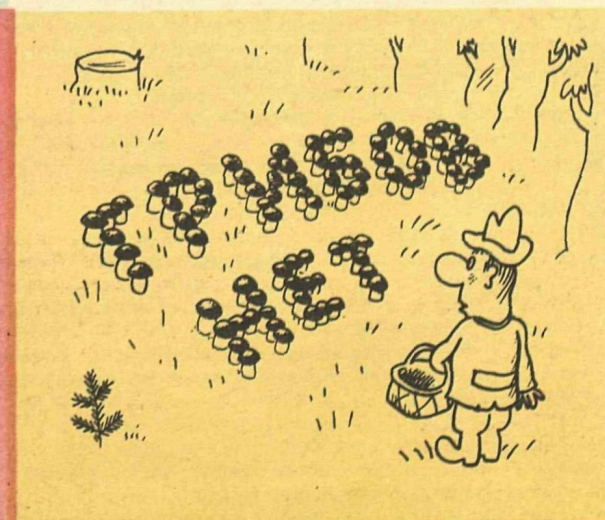
И никто не обратил внимания на девушку в строгом черном платье, которая, войдя незаметно, положила к изголовью покойного букет лилий и так же незаметно исчезла.

— Мое!

— Так вот и сушу!

Рисунки В. ВЛАДОВА, В. ГУБЫ и В. МИЛЕЙКО

Хочется сразу же предупредить читателя: задумав бегло обрисовать некоторые фигуры, выступающие на политической сцене США, автор совсем не собирался затрагивать фарисеев и фарисейство. Да и с какой стати! Ведь это религиозно-общественное течение возникло почти за 150 лет до рождения Христа и на землях, которые отделены от Америки не только необозримым океаном, но и тысячами километров суши.

Но упомянутые выше фигуры двигались по сцене, то выдвигаясь к рампе, то удаляясь в глубь кулис и произнося длинные монологи или бросая на ходу короткие впечатляющие реплики. И впечатляли они именно фарисейством, то есть лицемерием, ханжеством и показным благочестием.

Многие шаги попавших в наше поле зрения фигурантов просто ставили в тупик. Особенно вначале, например, когда Фигурант номер один, подойдя к рампе, промком и четко произнес:

— Человек имеет права.

Все оторопели.

В тупик ставила неуместность этих слов в стране, где они давно уже стали анахронизмом. Где человек — индеец, негр, пуэрториканец да и любой другой трудяга, несмотря на прожужжавшие ему уши сладкие песнопения, ежедневно убеждается, что не имеет никаких человеческих прав. Ни на что. Кроме сомнительного права подпираться собой политические подмостки, на которых фиглярствуют фигуранты.

Еще большую растерянность среди простодушных людей вызвал новый выход Фигуранта I к рампе и его новое ошеломляющее заявление:

— Я призываю конгресс заморозить Договор ОСВ-2.

Рокфеллеровской трехсторонней комиссии по сотрудничеству трех китов капиталистической экономики — Соединенных Штатов, Западной Европы и Японии, — его ближайшим помощником.

В западной прессе иногда гадают, кто из этой двойки открыл другого? Первый второго или наоборот?.. Гадания не очень плодотворные: важно, что они нашли друг друга.

Ну, а их обоих открыл и выбрал господин Большой Бизнес.

Да, в этой стране, в этом обществе все в конце концов сводится к нему, крупному бизнесу, или, если говорить еще точнее, к военно-промышленному комплексу — ВПК. Заказывают музыку, то есть политику, здесь, тут же ее и слушают. Все, что соответствует интересам ВПК, имеет право на существование; то, что идет вразрез с ними, предается анафеме. Завидная прямолинейность. И если этой политике все-таки присуща некоторая гибкость, то это не более, чем гибкость плантаторского бича, способного, проделав в воздухе замысловатый вентель, опуститься на спину ослушника, как бы далеко от хозяина он ни находился.

Ну, а фарисейство — зачем плантаторам понадобилось оно?

Как известно, древние фарисеи добивались своих целей, используя созданные ими же фикции. Нынешние действуют так же.

Несколько выше мы назвали некоторые из насоро придуманных фарисеями фикций: «нарушение прав человека в СССР», «советские боевые части на Кубе», «советское военное присутствие в Африке» и другие. Они с треском провалились, и читателю хорошо известно, как это было. Повторять не стоит. Но провалы никого не смущают. Фарисей II честно отрабо-

Мануил
СЕМЕНОВ

ФАРИСЕИ

Памфлет

— Почему заморозить, чем вызвано это решение? — недоумевали ошарашенные слушатели и зрители. А как же длившиеся много лет трудные переговоры? А как быть с предвыборными обещаниями во что бы то ни стало укротить гонку стратегических вооружений? Значит, клятвенные уверения, высокопарные слова — простое вспыхопускательство?

Однако не успели слушатели подобрать сколько-нибудь путных отгадок к фигурантским загадкам, как на их барабанные перепонки обрушился целый каскад истеричных выкриков:

— Ни бушеля зерна Советскому Союзу!

— Остановить русскую экспансию в Африке!

— Советские не должны угрожать Америке с Кубы!

— Олимпийские игры можно устроить в любом месте земного шара, хоть на Северном полюсе, но только не в Москве!

По мере выкрикивания угроз, предупреждений, воинственных призывов Фигурант I все больше распалялся, переполняясь гневом, как переполняется паром котел, под который положили слишком много дров.

Тут-то как раз настало самое время начать разговор и о щедром на подтопку коцегаре.

Кто он, этот человек, не жалеющий дровишек даже в условиях энергетического кризиса, поразившего США? При всем желании магистра политических наук, плодовитого сочинителя политических эссе простым истопником не назовешь. Так что для удобства будем называть его Фигурантом II.

Обоих фигурантов связывают довольно сложные взаимоотношения.

Начнем с фигуранта, обозначенного у нас вторым. Родившись в семье дипломата в довоенной Польше, он еще в юном возрасте страстно возмечтал стать... президентом этой страны. Но мечте не суждено было сбыться. Происшедшие здесь коренные перемены ясно показали: шансов на то, что перед тщеславным мечтателем гостеприимно распахнутся двери дворца Бельведер, существует ничтожно мало. И семья эмигрировала в Америку. Здесь мечтатель в какой-то степени утешился: взял в жены дочь бывшего президента одного европейского государства. Подобное родство уже кое-что значило, хотя, конечно, не могло удовлетворить чудовищного честолюбия полностью.

И какое-то время спустя фигуранты встретились.

Позднее Фигурант I будет не раз высказывать благодарность своему учителю в политике — Фигуранту II. И тут нет никакой фальши: посвящение во «всесильное» фарисейское учение действительно состоялось.

История фарисейства сохранила для потомков такой примечательный факт. К основателю фарисейской школы Шамаю однажды обратился некий язычник с просьбой принять его в лоно и ввести в курс фарисейских идей. Но при этом язычник поставил условие: просвещение не должно быть слишком долгим, пусть оно продолжается лишь столько времени, сколько он, язычник, сможет простоять на одной ноге.

Фигурант I, то бишь претендент на кресло в Белом доме, конечно, не был язычником, и ему вряд ли понравилось бы стоять перед Фигурантом II, сиречь будущим своим помощником, на одной ноге. Тем более, что их встречи и беседы были продолжительными и затрагивали весьма широкую проблематику.

Нет, ученику не надо было внушать, каким хозяевам он призван служить в будущем. Эту истину он постиг давно и вполне самостоятельно. Его беда была в другом: короткое (один срок) пребывание на губернаторском посту, приземленные заботы о выращивании и бытие арахиса (собственное арахисовое дело) не могли обострить и усовершенствовать ум претендента настолько, чтобы он уверенно держался в новой роли. А ведь ему предстояло непрерывно выступать перед микрофонами и телекамерами, устраивать пресс-конференции, совещаться с зарубежными деятелями и т. д. Причем речь шла не столько об умении высказывать собственные (а при их отсутствии — чужие) мысли, сколько о том, как их можно камуфлировать, чтобы аудитория принимала черное за белое. И творя несправедливое, выглядеть вполне rispetтабельно, даже в самые критические моменты «сохраняя лицо». Всему этому и должен был обучить ученика тщеславный профессор. За труды свои запросил он немало — если и не красоваться на авансцене Белого дома, то как минимум хозяйничать за его кулисами.

Сделка была взаимовыгодной, и она состоялась.

Арахисовод из Джорджии стал Фигурантом I, а профессор, директор

тывает белый хлеб, получаемый в Белом доме. И рождаются новые фикции.

Например, миф «о военной угрозе миру из-за событий в Афганистане». Все честные люди на земном шаре знают правду об афганских событиях: одно союзное государство пришло на помощь другому союзному государству в отражении внешней агрессии. Но фарисеи не хотят слышать правды, она их не устраивает. И продолжают вопить: «Мир под угрозой!»

Им напоминают: Гватемала — 1954 год, Ливан — 1958-й, Куба — 1961-й, Доминиканская Республика — 1965-й, Вьетнам — 1965—1975 годы, Камбоджа — 1970-й, Лаос — 1971-й. Здесь названы годы и перечислены страны, подвергшиеся нападению военных сил США. Но фарисеи делают вид, что этих актов открытой агрессии не было и в помине. И служат слезливую панихиду по агенту ЦРУ Амину, хотя ни одна слезинка не выкатилась из их глаз, когда пал Альенде, убитый не без участия того же ЦРУ.

Фарисеи удивительно нечувствительны к укорам, упрекам и обрушивающимся на их головы прямым обвинениям. Когда Фигурант I, появившись в охваченном огнем Майами, попробовал вновь разглагольствовать о правах человека, в него полетели камни. И что же? Улизнув от скорой на расправу разгневанной толпы, а затем добравшись до очередного микрофона, он как ни в чем не бывало продолжил прерванную бульжниками проповедь. А скорые на реажак американские средства массовой дезинформации раструбили на весь мир, что в Майами, где только что пролилась кровь, продемонстрировано полное взаимопонимание в достижении всеобщей гармонии.

Лицемерие, ханжество, притворство помогают фарисеям сохранять на физиономиях выражение невозмутимости.

Фигурант II крепко преподавал Фигуранту I, что он каждое произносимое слово должен облекать в оболочку благочестия и сопровождать успокоительными оговорками. И тот неуклонно следует мудрому совету.

Он говорит, что США отказали Советскому Союзу в продаже зерна. И тут же добавляет: это, дескать, послужит делу мира.

А сообщая о продаже Китаю военного оборудования, утешает слушателей тем, что это оборудование может быть применено также и в мирных целях.

Фактически отказав палестинцам в восстановлении их законных прав на создание собственного государства, Фигурант I тут же порадовал их тем, что двери мусульманских храмов в Восточном Иерусалиме всегда будут открыты для верующих. Заходите, дескать, и молитесь за фигурантов из Вашингтона, дарующих вам это благо.

Рассказывают, что Фигурант II отличается исключительной научной плодотворностью. Наверное, так и есть, судя по обилию специальных фарисейских терминов, которыми он пичкает шефа.

Народ Палестины требует создания собственного государства на землях, захваченных Израилем. На фарисейском языке это звучит как... притязания. Нуансик, но какой! Огромная военная армада сосредоточена в Персидском заливе. Для чего? Оказывается, для отражения возможной советской агрессии. Могут сказать, что агрессией тут, как и в других районах мира, даже не пахнет. Согласен, подтвердит Фигурант I, сейчас агрессии нет, но ведь она возможна? Вот какая прелесть эти уклончивые формулировки!

При всей неразборчивости в средствах осуществления своей политики нынешние фарисеи удивительно амбициозны. Фигурант II, вооружив однажды ученика-претендента арсеналом тайных принципов и методов фарисейства, особое внимание обратил на один из них. Историк древности Иосиф Флавий так сформулировал его: «Фарисеи считали, что они первые постигли благодать нравственного усовершенствования и потому призваны сделать ее достоянием всего человеческого рода».

Да, вот так. Благодать. Постигли. Первыми. И весь род человеческий постигнуть должен. Простенько, но гениально, не правда ли?

Открытая и постигнутая ВПК, Пентагоном и ястребиным гнездом в конгрессе благодать эта — не что иное, как пресловутые государственные интересы США. Интересы, о которых не устают говорить в Вашингтоне с самого раннего утра и до поздней ночи. Именно эту washingtonскую госблагодать несут во все концы земного шара бомбардировщики, атомные подлодки, авианосцы, боевые части «корпуса быстрого реагирования». Да вот неувязка — не нуждается род человеческий в таком достоянии, отвергает его с презрением.

Не нужна человечеству фарисейская благодать!

ГИБКАЯ ПОЛИТИКА САДАТА

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

Владимир СВИРИДОВ

Рассказ

СЕКРЕТ МАСТЕРА ОСЕТРОВА

На работе произошло неприятное событие: сломался общественный электрочайник.

Коллектив женский, эмоциональный. Реакция самая неожиданная. Синхрофазотрон сгорел — никто глазом бы не моргнул, а тут из-за обыкновенного чайника целая драма.

— Выручайте, Александр Иванович, — кинулись женщины к своему коллеге, единственному в комнате мужчине.

Осетров смущенно пожал плечами.

— Я, правда, никогда не пробовал... Не мой профиль...

Но атака женщин была стремительной и мощной.

— Ну, Александр Иванович! Ну, пожалуйста! Вы ведь инженер... мужчина... умница...

Осетров не устоял и с тяжелым, как штанга Султана Рахманова, предчувствием взялся за чайник.

Повертел его, покрутил, внутрь заглянул, кулаком постучал... В розетку воткнул. Чайник был холоден, как борщ в студенческой столовой.

— Дома почищу, — сказал он и, чтобы не осрамиться, сразу после работы побежал в мастерскую. Чайники брали только на осень, а на дворе была весна. Осетров подумал, посомневался. Потом махнул рукой: не ударять же лицом в грязь — и направился в магазин.

...На работе он появился с новым чайником.

— Вот это мастер! — наперебой расхваливали его коллеги. — Что значит руки золотые... Чайник-то смотрите, как новенький стал.

Слава о мастере Осетрове разнеслась со скоростью звука.

Александр Иванович чувствовал себя именинником и больше не сожалел о потраченных деньгах.

Однако на другой день ему принесли в ремонт будильник.

Осетров уперся, заертачился:

— Да вы что, смеетесь? Идите в мастерскую, у меня работа. Я занят.

— Знаем, — сказали ему, — что клиентов у вас хватает. Но это просьба Ивана Мироныча. Ни одна мастерская не берет.

Осетров вздохнул: разве ему откажешь — и положил будильник в портфель.

Подобных часов в магазине не оказалось. Сказали, что модель старая и уже давно снята с производства, и предложили настенные с боем. Александр Иванович растерялся: такого поворота он

не ожидал. Он позвонил Ивану Миронычу. Трубку взяла секретарша Галочка.

— Будильники такие уже не модны... не выпускаются... А с боем можно?

Пока Галя наводила справки, Осетров прикидывал предстоящие расходы.

— Разрешил. Делайте с боем. Иван Мироныч спрашивает, с кукушкой не сможете?

— А с песнями Аллы Пугачевой не хотите? — разозлился мастер и повесил трубку.

...Восторгу сослуживцев не было предела.

— Да он просто Паганини ремонта, — говорили об Осетрове. И пошло и поехало. К Осетрову валили, как на «Бони М». Несли все подряд: авторучки, зажигалки, кофеварки, электрогрелки... Одна женщина, предприимчивая, видно, попросила пылесос в швейную машинку переделать:

— Вы, говорят, все можете...

Другая обиделась даже: Ивану Миронычу вон из плюгавенького будильничка какие часы... А я из цветного телевизора прошу маленький, портативный сделать. Неужели трудно? Из большого маленький всегда легче...

Александр Иванович отбивался как мог, но люди-то все нужные — попробуй откажи. Он терпел, крепился, зарплаты не хватало, в долги залез по уши.

Мастер ходил невеселый, бледный, невыспавшийся.

Свой секрет раскрывать не хотелось: стыдно — такой авторитет, и вдруг...

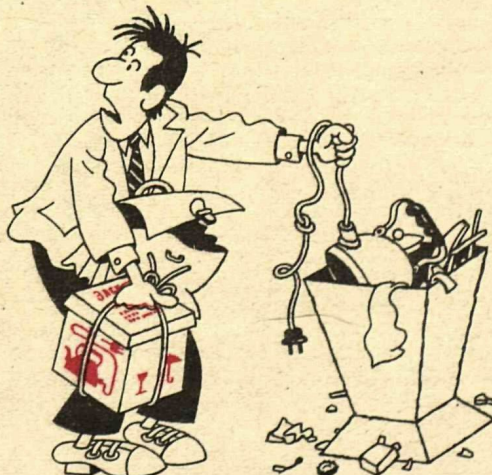
Осетров выбрал другое.

На новую работу шел радостный и торжественный, как на премьеру в Большой театр. Александра Ивановича встретили приветливо, даже, можно сказать, с восторгом.

— Слышали о вас, слышали... С нетерпением ждали...

— Вы о чем, товарищи? — хорошее настроение слетело с Осетрова, как листья с осенних деревьев.

— Не скромничайте, знаем, — ответили ему. — Вы, кстати, вовремя, будто по заказу. Рояль у нас в комнате сломался...

Удар был ничего себе — как шар-бабой. По дубовому столу ветвистой молнией стрельнула трещина. Однако ухнули по канцизделию не бабой, а кулаком. Правда, не простым: кулак принадлежал бригадире Зернухину.

После трещины в официальном столе вроде уж и любые слова лишние: клади заявление — и валяй на все четыре. Но бригадир Зернухин все же несколько слов сказал.

— А пошли вы все... — сказал бригадир Зернухин. И не стал при этом скрывать, куда он нас направлял. — Видал я вас всех... — прибавил еще бригадир Зернухин. И не стал при этом скрывать, где бы он нас хотел видеть и в какой обуви.

— Не ешь горчицу, бригадир, — задумчиво посоветовал Скоба.

Скоба не был врачом-диетологом. Скоба был прорабом. И по выстраданному сермяжному опыту знал, что этаких вот лихачей-рубак вроде Зернухина легче всего осечь какой-нибудь чертовщиной, к делу никак не клещейся. Поэтому, чтобы и вовсе обить с панталыку ярящегося бригадира, он к диетической своей рекомендации прицепил многократно проверенный в действии схоластический крючок:

— Что раньше на свет явилось: курица или яйцо? — и глядел уже не в оконце, где смиренно дышала на ладан старушка стройка, а прямо в зернухинские зрачки — давил, будто кирпичом. И Зернухин «поплыл»: и впрямь, что раньше-то — курица ли, яйцо?

Этого Скобе было довольно.

— То-то ж, — молвил он с укоризной, — а ты говоришь — уйду. Куда пойдешь-то, кому чего скажешь?

Снятый с философского крючка, Зернухин обмяк, но все же дергался:

— В СУ-5 пойду, к Зайцеву. Он по червонцу в день наряды закрывает, а вы в натяг по пятерке.

— У тебя гордость есть? Заяц котельную ставит, а ты промышленное пред-при-я-ти-е!

— Пред-при-я-ти-е?! — Зернухин вмиг встал на рога. — Если оно такое важное, почему половику дней простаиваем? Мои хлопцы от перекуров, того гляди, все с чахоткой полягут...

— Охолопись, бригадир. Будто не знаешь этих разгильдяев с железобетонного: ни разу еще вовремя перекрытий не отпружили...

— А раствор вовремя везут?! Закажешь на день три самосвала «в рассрочку» — обязательно стадом придут, да еще за пару часов до конца смены. Как переработать растворчик? Списываем! Свое, что ль...

— Мы этих «растворщиков» уже за «яблочко» прихватили.

— Второй год прихватываете!.. А почему верхние конструкции раньше нижних гонят? Может, цех вверх ногами смастрачим — оригинально и парни при тугих кошельках.

— В остряхи полез, бригадир...

— Таким лазанием сыт не будешь. Уйдем всей бригадой. Шабаш!

И Зернухин вторично занес над столешницей свою шар-бабу. Однако, приметив трещину, развернулся и прохнул даверью.

Когда короткий снегопад из побелки и цементной крошки прекратился, ровным слоем припо-

Владислав ПОБЕДНОСЦЕВ

МАГМА

Рассказ

рошив финский паркет, Скоба излил законную обиду.

— Вот всегда вы так, граждане хорошие, руководители некраснознаменного СУ-4. Сами — молчок, а Скоба — отдувайся. Между прочим, слышит он, Зернухин-то. Со всей своей командой, как обещал. А где еще таких возьмешь? Не мужики у него — гвардейцы, им только фронт обещивай...

— Берегите нервы, Скоба, паникерство не про нас с вами, стреляных-то воробьев, — приласкал прораба главный инженер Храпов. — Бригаду отпускать нельзя.

— Закреплять кадры на стройке — первейший и святейший долг наш.

Эти весомые слова принадлежали уже мне, начальнику некраснознаменного СУ-4.

— Стало быть, «ИБ»? — утвердительно спросил Храпов.

— По-моему... мы стали... как бы это выразиться?.. Несколько, что ли... злоупотреблять «ИБ», — это пробивался наружу тусклый интеллект моего зама. — Или я... ошибаюсь?..

— О злоупотреблении «испытанным вариантом» можно говорить только в случае нетворческого подхода к нему, — с привычной уверенностью парировал вялую реплику Храпов. — Кроме того, в «тесненные условия работ» нас постоянно подвергают помимо нашей воли. Так что совесть у СУ-4 кристально чиста.

— Так я побежал! — Скоба резво подался к двери. — А уж вы тут подработайте «ИБ», чтоб понаваристее...

— Не первый день при искусстве, — главный весело подмигнул Скобе. — Дуй давай! Да на рынок не забудь...

...К обеду чистые листы ватмана упрятали под собой ветвистую трещину в столе. Эксплуатируя бумажное белоснежье, магнетизировали глаз кумач соленых помидоров, нежная желтизна увесистого капустного оковалка, яркая зелень лука и приглушенная — маринованной черемши. В середину стола, как и положено, был вбит гвоздь программы — высокая и стройная, как корабельная сосна, «Пшеничная». Администрация СУ-4 кружила вокруг этого буйства красок в улыбочивом томлении. Ждали бесценного гостя.

И вот дверь отлетела к стене — на пороге возник Зернухин, усердно подталкиваемый сзади Скобой. Бригадир смекалисто препарировал ситуацию.

— Нас этим не купишь!

Скоба подналег, продвинул Зернухина на полшага, а тут в него вцепилась шестеркой рук го-

ловка СУ-4. Однако неглупая головка делала ставку не на насилие и даже не на магнетизм цветастого стола. Поэтому, инстинктивно угадав, что дюжий бригадир сейчас поведет могучими плечами и ссыплет нас с собой, Храпов метнул козырного туза:

— По 15 целковых день закроем!

— Шуткуете, начальники...

— Вот те крест!

Бетонные мышцы опали.

— Нарисуем тебе бурение скважин для откачки грунтовых вод...

— Этим и трояка не натянешь...

— Перебиваешь, бригадир, а ведь я еще не закончил... Смету перетряхнем! В «Замечаниях» к проекту объясним: мол, только воду откачали — по скважинам рванула... магма!

— Чего-о-о?

— Магма, говорю, рванула. Пришлось ее обратно вручную загонять, — вдохновенно развивал идею Храпов, — чтобы не допустить смещения земной оси и не нарушить тем самым планетарного равновесия между Землей и Солнцем.

— Часом не приболели? Кто ж в такую ахинею поверит?

— Возьмем ученое заключение в институте «Недра». Мы им крышу чинили — выручат. Напишут: имел место стихийный выброс магмы через тектоническую трещину, спровоцированный... ну, скажем... альфа-процессом в мезонтризозойском слое земного ядра. Чтобы предотвратить катастрофу, бригада Зернухина — твоя, значит, бригада — вынуждена была вступить в схватку со стихией, используя подсобные средства: ведра, тазы, совковые лопаты... Чуешь, какими расценками пахнет?

— Да их и нет, таких расценок-то...

— Нет — так будут. У нас какой объект? Не-ти-по-вой! В этом вся соль. Такие расценки вырвем — плакать от счастья будешь, бригадир. Запнать магму обратно — это, знаешь ли, работенка... Тем более лопатами...

— Может, я ошибаюсь... но все же... магма... — тусклый интеллект зама в муках рождал очередное ненастойчивое сомнение, — магма... не слишком ли?

— Яков Семенович!.. Пardon, конечно, — Храпов картинно поклонился, — вы давно в строительстве?

— Двадцатый год...

— А мне сдается, двадцатый день... Еще раз пardon, — Храпов даже книксен сдвинул. — Неужто не посчастливилось приложить ручку — паркерскую, разумеется, вашу любимую, — к работам, которые не столько делают, сколько... как бы это выразиться... Храпов пошел в кураж, — сколько сочиняются?

— Не меньше нашего он счастливчик, — подыграл прораб Скоба. — По этой части в нашем деле судьба никого не обижает. В том году и долбеж вечной мерзлоты рисовали — это у нас-то, в черноземье! — и взрывные работы при прокладке дороги через километровую скалу — это в городе-то! Аль запомнели, Яков Семенович?

— Не отпираюсь... И я грешен... Без этой злощастной выводиловки, конечно, никак... Но магма... Совсем уж... безбожно...

— А мы и есть безбожники! — Скоба в восторге ахнул себя по ляжкам. — Все как один!

— Милейший Яков Семенович, — я улыбался заму, как улыбаются невесте задолго до свадьбы, — разве на выводиловке лично мы с вами гремем длани? Хоть одну государственную копейку опустили в свой карман?

— Помилуйте, и в помыслах...

— Вот именно, корысть нам неведома...

— Мы печемся исключительно о судьбе стройки! — Храпов никогда не пропускал ювелирного паса.

— О закреплении кадров! — подхватил словесную шайбу Скоба.

— О своевременной сдаче объекта! — Храпов ворвался в зону противника и сделал мне голую передачу.

— О высоком заработке рабочих! — вогнал я шайбу в «девятку».

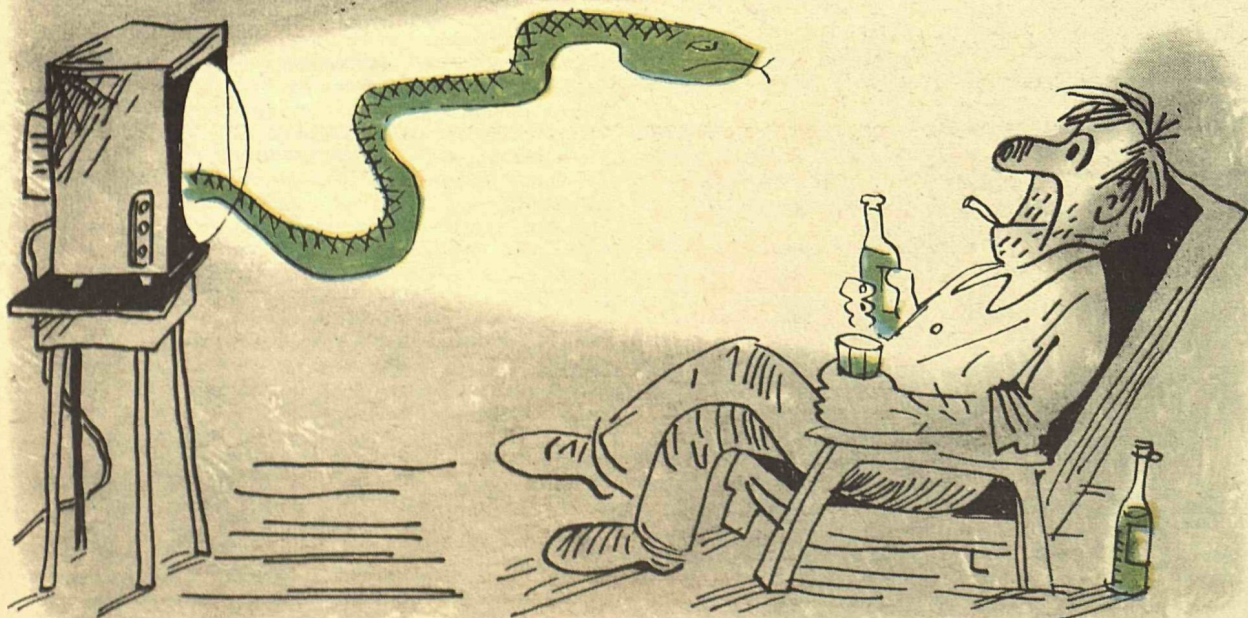
Зернухин не выдержал и устроил нам овацию.

— Да я... понимаю... — Яков Семенович даже не пытался отыгрываться. — Как-никак двадцатый год в строительстве... Товарищ Храпов напрасно меня обижал...

— Я очарован вами, почтеннейшие мои соратники, единомышленники, стратеги! Остается услышать в словесном выражении, а не через хлопушки мнение будущей знаменитости — бригадира Зернухина — по затронутому вопросу.

— Так чего ж... Если «Недра» в связи с крышей подтвердят насчет... магмы... Годится!..

— Тогда в чем же дело? — я царственно повел рукой. — Прошу всех к столу!

— Когда ни включу, все время «В мире животных».

Рисунок С. СПАСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПЛАКАТ»
ВЫПУСКАЕТ СЕРИЮ
САТИРИЧЕСКИХ
ПЛАКАТОВ «СОРНЯКИ».
Рисунки М. АБРАМОВА,
стихи С. МИХАЛКОВА

ХИЩНИЦА

Ей нужна не эта «мышка»,
А весомая сберкнижка.

ТОЛКАЧ

«Подкинь, подмажь и получи!» —
Так рассуждают толкачи.

БЮЛЛЕТЕНЬ ОТПИСЧИКА

Регулярное крокодильское издание
для обмена опытом мастеров художественной отписки

Очередной выпуск мы открываем
отпиской типа

Антикварная

Любители старины знают, что иногда самая простенькая вещь приобретает особую прелесть только оттого, что сработана она была сотню-другую лет тому назад.

Когда жительница Армавира Э. Ф. Березина подала в 1965 году заявление об установке телефона в узел связи, она, естественно, меньше всего думала об антиквариате. Она натурально думала о телефоне.

Четырнадцать лет армавирский узел связи хранил молчание, но вдруг ответил, что установить телефон в настоящее время не представляется возможным по техническим причинам. Отписка, казалось бы, пребальная, и мы никогда не поместили бы ее в свою коллекцию, если бы она не приобрела чисто исторической ценности. Согласитесь, что тривиальный отказ, который писался четырнадцать лет, — это уже нечто поистине антикварное.

В отказе всего 30 слов. Писались они, как уже сказано, 14 лет, что составляет чуть больше двух слов в год. Похоже, это достижение будет перекрыто не скоро.

Бумеранг

Прелюбопытнейший образец отписки любезно прислал нам москвич А. Каменев. Жильцы дома № 11 по Янтарному проезду в Бабушкинском районе столицы обратились в Министерство здравоохранения РСФСР с просьбой помочь им как-то спастись от нашествия садовой моли, которая несколько лет яростно атакует дом. Министерство вполне справедливо переслало письмо в Мосгорсанэпидстанцию. Там письмо также зарегистрировали и вполне справедливо переслали в Московскую городскую станцию защиты зеленых насаждений. Там письмо зарегистрировали и вполне справедливо переслали... Ну как, угадали? Правильно. Обратно товарищу Каменеву. Четко, быстро, без всяких объяснений. Бумеранг, как видите, возвратился.

Но не будем так уж огульно нападать на защитников зеленых насаждений. Может быть, они прислали всю переписку жалобщику для того, чтобы он, размахивая ею, мог напугать неустрашимую садовую моль? Может быть, моль еще не выработала иммунитет к бюрократическим эскападам, к которым мы, гомо сапиенс, увы, уже начали привыкать.

Мы бы хотели получить по этому поводу разъяснения от садовой моли, зверствующей в Янтарном переулке, и от станции защиты зеленых насаждений.

Этот маленький перл жанра отписки мы назвали

Бюрократический страус

Мокшанский райнарсуд Пензенской области обратился в нарсуд Ачинского района Красноярского края с просьбой найти неплательщика алиментов В. Жарикова, каковой, по имевшимся сведениям, работал в совхозе Негорновский. Нардный судья и секретарь из Ачинска такими пустяками утруждать себя не стали и сооб-

щили, что В. Жариков ни в районе, ни в совхозе не числится, хотя неплательщик и жил в районе, и числился, и исправно не платил алименты.

Отписались судейские товарищи из Ачинска и решили наподобие страуса спрятаться. Страус, как известно, прячет голову в песок, а эти отписчики поставили в ответе закорючки, которые расшифровать никак невозможно.

В «Бюллетене» по этому поводу возникла дискуссия. Одни говорили, что судья и секретарь и не думали прятаться, а просто-напросто решили, что подписи их должны быть всенародно известны, как, скажем, факсимиле Льва Толстого или Антона Павловича Чехова. Другие настаивали, что подписи не расшифрованы из скромности. Однако после долгих споров мы все же пришли к выводу, что скорее всего ачинские отписчики стали в позу страуса.

Поскольку эта отписка по чисто детской неумудренности достойна особого внимания, мы просим их прислать нам расшифровку своих подписей, дабы их имена заняли достойное место в нашей коллекции бюрократических перлов. На всякий случай мы воспроизводим подписи безымянных ачинских отписчиков...

Нарсудья:

Секретарь:

Самородок

Ныне отписчик в чистом виде встречается редко, как самородное золото. Он маскируется. Он прячется в пустой породе. Он сожалеет. Обещает. Намечает. Он даже приносит иногда извинения.

И вдруг среди этой пустой породы мелькнет иногда золотым блеском настоящая самородная отписка. Чистая, тяжелая, блестящая. И затрясутся руки у коллекционеров бюрократических перлов, и с гордостью приобьют они такой самородок к своей коллекции.

Клайпедский морской порт направил начальнику железнодорожной станции Клайпеда Р. Якубецу письмо для согласования и оплаты расчета штрафа за неподачу железной дорогой вагонов под перегрузку. Товарищ Якубец тут же ответил письмом, в котором просил согласовать расчет штрафа со... своим заместителем тов. Ярас.

Браво, товарищ Якубец! Вместо того чтобы открыть дверь своего кабинета и крикнуть: «Зам! А, зам!» — и отдать ему бумагу, вы пишете письмо в порт, дабы порт написал вашему заму. Это прекрасно! Смело, без маскировки. Поздравляем вас, товарищ Якубец. Думається, у вас неплохие шансы занять достойное место в соревновании наиболее выдающихся отписчиков.

Дежурная по «Бюллетеню»
Н. БУХАЛЕВА.

БАСНЯ О БАСНЯХ

Про Волка басню сочинил—
Халуги мне сказали:
— Храбрец! Не жаль тебе
чернил!
Ведь мы себя узнали.
За недвусмысленный намек
Преподадим тебе урок!
Лисицу в басне показал —
Проныры мне сказали:
— Обидеть нас! Каков
нахал,
Ведь мы себя узнали.
Однако за поклеп такой
Мы расквитаемся с тобой.
Лесным зверям не делать
зла

Решил я по секрету
И вскоре басню про Осла
Отправил я в газету.
Творенье увидало свет.
В тревоге жду я
новых бед...
Но что стряслось! Я вновь
в чести!
Врагам милее брата.
Меня готовы вознести
К вершине Араарата.
Признаться в том, что ты —
Осел!
Никто на это не пошел!

Перевел с армянского
Ник. ЭНТЕЛИС.

«Мой папа по профессии отец».

(Из сочинения пятиклассника
на вольную тему).
Прислала Н. Дуничева,
Брянская область.

«Прошу из бригадиров меня уво-
лечь, т. к. работаю давно и надоел
всему народу».

«Прошу из колхоза меня отпу-
стить, т. к. молодая, а развлечений
все не вижу».

(Из заявлений в правление колхоза).
Прислала Н. Калинина,
Московская область.

«Бараны круглый год находятся
вместе с овцематками и к сезону
осеменения совершенно не готовят-
ся».

Газета «Тамбовская правда».

«Кроме того, разыгрываются цвет-
ные телевизоры черно-белого изоб-
ражения».

Газета «Восход», Сямженский район
Вологодской области.

«Подъезд № 3
Домовой тов. Малов».

(Табличка).
Прислал Санкин, г. Тольятти.
«С 12 по 17 октября сего года в
тире производится отстрел школь-
ников по скользящему графику».

(Объявление).
Прислал С. Рябых, г. Иркутск.
«Продается каменный дом на дро-
ва».

(Из объявления).
Прислал А. Александров,
г. Иваново.

«Наша семья, исчерпав свою зада-
чу, распалась».

(Из заявления о разводе).
Прислал Глазунов, г. Москва.

«В субботу в 16-00 в демонстра-
ционном зале состоится выставка-
продажа женских причесок. Вход
свободный».

Прислали И. и В. Петрашень,
г. Воркута.

«...Ведь люди — они, как батареи.
Они должны друг друга подогре-
вать».

(Из радиопередачи).
Прислал А. Ларионов, г. Урай.

«Часто молодых девушек сравни-
вают с газелью. И не потому, что
они красивы, а потому, что их оста-
лось очень мало...»

(Из телепередачи).
Прислали О. и С. Тимофеевы,
г. Холмск.

деж, повышена продуктив-
ность.
Надой на фуражную корову
превысил уровень прошлого
года и является лучшим ре-
зультатом в районе.
Приняты меры по укрепле-
нию хозяйства кадрами специа-
листов.

«МАРТОВСКИЙ РЕПОРТАЖ»
(№ 12, 1980 год)

В этом репортаже Мих. Ка-
зовского рассказывалось о пло-
хом хранении и использовании
минеральных удобрений, недо-
статках в ремонте сельскохо-
зяйственной техники в совхо-
зах и колхозах Смоленской об-
ласти, в частности в совхозе
«Ольховский» Сафоновского
района.

Секретарь обкома КПСС
тов. П. Макаренко сообщил
редакции, что фельетон рас-
смотрен Сафоновским горкомом
КПСС. Директору совхоза «Оль-
ховский» тов. Васильеву указа-
но на недостатки, которые име-
ли место при подготовке к ве-
сеннему севу. Главному агро-
ному совхоза тов. Романовско-
му объявлен выговор.

Горкомом, райкомом КПСС, гор-
и райисполкомам предложено
шире использовать средства
химизации, улучшить ремонт
сельскохозяйственной техники,
добиться выполнения планов
строительства складов для хра-
нения минеральных удобрений.

Карло МАНДЗОНИ (Италия)

УТЮГ

Синьор Венеранда пригласил элект-
рика и попросил посмотреть, что с
его утюгом.

Электрик покрутил утюг, пожал
плечами и спросил:

— И что же с ним?

— Он электрический, — ответил за-
гадочно синьор Венеранда.

— Я вижу, что электрический. Но
что с ним? Он испорчен?

— Нет, когда я его включаю, он
работает вполне исправно. Если я
его не включаю, он не работает.

Впрочем, я его никогда не включаю.

— А почему вы его не включаете?

— Удивленно воскликнул электрик.

— Вы в своем уме? Как я его
могу включить, когда вы держите его
в руках? И потом, положим, я его
включу: что мы будем с ним делать?

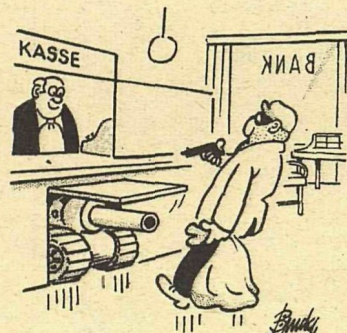
— Как что? Вы будете гладить. Для
чего еще нужен утюг?

— Не учите меня, — надменно ска-
зал синьор Венеранда. — Я знаю, для
чего нужен утюг. Вопрос в том, что
мы будем гладить? Вы что-нибудь
принесли для глажки?

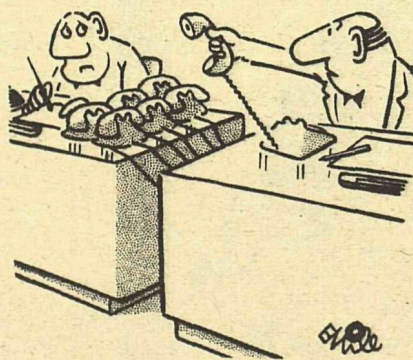
— Я? Да, но... — Электрик запнул-
ся и замолчал.

— Тогда зачем включать утюг,
если ни мне, ни вам нечего гладить?

— Для того чтобы убедиться в его
исправности, — с достоинством отве-
тил пришедший в себя электрик.

«Ди виртшафт», Австрия.

— Вас!

«Острэлиан файнэншл ревью»,
Австралия.

— Он вполне исправен, — резко
отрубил синьор Венеранда.

— Тогда не включайте его! — за-
ревел электрик.

— Я прекрасно понимаю, что вклю-
чать его незачем! — в свою очередь,
повысил голос синьор Венеранда. —
Вот уже минут двадцать я твержу
вам, что включать его не нужно! А
вы еще смеете повышать голос!

— Извините! — со зловещим спо-
койствием сказал электрик. — Вы не
могли бы мне сказать, для чего, соб-
ственно, вы меня вызывали?

— Вы электрик? — вежливо спро-
сил синьор Венеранда.

— Да, я электрик.

— Это утюг электрический?

— Электрический.

— А если он электрический, то
кого, по вашему мнению, я должен
вызывать? Мальра? Или массажиста?

— Н-не-ет, — затрясся электрик.

— Послушайте, — пожал плечами
синьор Венеранда, — мне кажется, вы
какой-то рассеянный... Лучше зайди-
те ко мне в другой раз. Утюг не
испорчен, я могу и подождать.

И он проводил электрика до две-
ри. Раскланиваясь, тот клятвенно обе-
щал зайти на следующий же день.

Перевел О. В.

Директор авиакомпании выговари-
вает командиру корабля:

— А вы хотел, чтобы вы впредь
выбирали слова, когда обращаетесь
к пассажирам самолета.

— А что случилось?

— На днях, заходя на посадку, вы
сказали пассажирам в микрофон:
«Прежде чем мы приземлимся, я хо-
тел бы воспользоваться случаем и
попрощаться со всеми!»

В опере «Лоэнгрин» главный герой,
как известно, после окончания зна-
менитой арии прощания становится
на лебедя и плывет по озеру.

В одном из спектаклей механик по
раскалыванию слишком рано включил
лебедку, и лебедь уплыл, не дождав-
шись окончания арии. Певец, испол-
нявший роль Лоэнгринга, не растерял-
ся и запел:

— О, когда же отправится следу-
ющий лебедь!

Дама спрашивает у лифтера на Эй-
фелевой башне:

— А если лифт внезапно испортит-
ся, мы упадем вверх или вниз?

— Вы верующая?

— Да.

— Тогда все будет зависеть от то-
го, какую жизнь вы вели.

ОПДКЛИКИ И РЕПЛИКИ

«СПАСИТЕ НАШИ ТУШИ!»
(№ 15, 1980)

Что-то похожее услышал в
коровьем крике корреспондент
Крокодила Ст. Пестов, побывав
в совхозе «Колыванский» Алтай-
ского края. С непокрытой го-
ловой взирал он на совхоз-
ных буренок, влачивших голод-
ное существование, ибо сенаж
был заморожен, а силос сгнил.

Секретарь Курьинского райко-
ма КПСС П. Беспалов сообщил
в редакцию, что директор совхо-
за В. Жадан наказан по партий-
ной линии и освобожден от за-
нимаемой должности. Управляю-
щий отделением Д. Душкин
исключен из членов КПСС и
осужден народным судом.

В настоящее время тружени-
ки хозяйства успешно завер-
шили весенне-полевые работы,
приступили к заготовке кор-
мов. Животноводы совхоза ор-
ганизованно провели переход
на летнее содержание скота,
практически прекращен па-

№ 24 (2322)

август

Главный редактор Е. П. ДУБРОВИН

Редакционная коллегия:

М. А. АБРАМОВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХ-
РЕВ (зам. главного редактора), А. Б. ГОЛУБ,
Б. Е. ЕФИМОВ, А. П. КРЫЛОВ (художествен-
ный редактор), Г. О. МАРЧИК, И. М. СЕМЕ-
НОВ, М. Г. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ, А. А.
СУКОНЦЕВ, А. И. ХОДАНОВ (ответственный
секретарь).

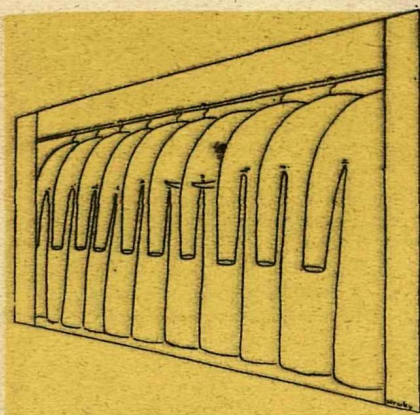

РАЗНЫХ

Альваро де ЛАНГЛЕСИЯ
(Испания)

Бронзовая медаль

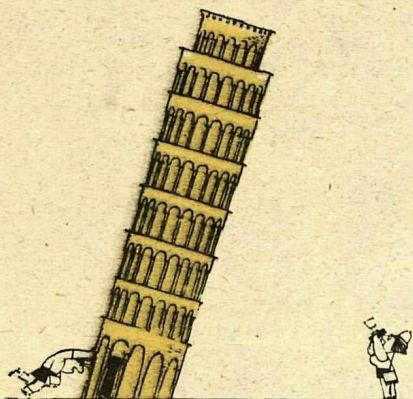
ШИРОТ

«Дикобраз», Чехословакия.

Владелец манежа объясняет:
— За восемьсот франков в неделю вы можете заниматься в любое время.
— И сколько я смогу ездить верхом!
— Это меня уже не касается. Договаривайтесь с лошадью.

Высоко в горах охотник взбирался на крутой склон со своим проводником. Внезапно он поскользнулся, но удержался на ногах.
— Да,— протянул он,— хорошо, что я не сломал ногу. А то я и не представляю, как бы вы меня вызволили отсюда. Смогли бы меня спустить!
— Думаю, да. Однажды я выволок отсюда подстреленного кабана весом почти в центнер. Правда, в три приема.

«Урзика», Румыния.

Перед шлагбаумом выстроился длинный ряд машин. Из будки высовывается стрелочница:
— Наберитесь терпения, только что мне позвонили, что поезд опаздывает на сорок минут.

Слова, слова...

Фемиде тоже не помешало бы иметь контрольные веса.
Шутка древнеримских заключенных.

Тайна, покрытая браком.
Английский юморист Джером К. Джером о своем рождении.

Когда приказывают долго жить, надо подчиняться.
Фольклор исландских долгожителей.

Можно ли считать камень, раскрывший череп философа, философским?
Из средневекового философского трактата о камнях.

Иногда прозревают лишь после того, как выкалывают глаза.
Средневековый трюизм.

Старец в горной деревушке отпраздновал столетний юбилей. Корреспондент телевидения спросил его, чем он объясняет свое долголетие.
— Боюсь, я смогу вам точно сказать только через три дня,— ответил старец.— Сейчас я веду переговоры с двумя рекламными фирмами, одна рекламирует минеральные воды, другая — вина.

Засидевшийся гость спросил хозяина дома, который час.
— Одиннадцать часов двадцать две минуты восемь секунд,— выпалил тот.

— Скажи мне, Карло, я действительно твоя первая любовь?

«Эпока», Италия.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

НАШ АДРЕС:

101455,
МОСКВА, ГСП,
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД,
Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: В. Владов, В. Губа, Е. Гуров, Р. Друкман, Г. Караваева, Н. Лисогорский, В. Милейко, В. Мохов, Ю. Степанов.

Технический редактор В. П. БОРИСОВА. Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 28.07.80. Подписано к печати 5.08.80. А 06628. Формат бумаги 70×108¹/₈. Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54. Тираж 5 820 000 экз. (1-й завод: 1—3 670 902). Изд. № 2016. Заказ № 2781.

© Издательство «Правда». «Крокодил». 1980 г.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Мостят...

Рисунок А. КРЫЛОВА